

Сергей Миронов,

лидер фракции

«Справедливая Россия — За правду»

Госдумы РФ

СЕРЁГА

Главы из книги

РЕКОНСТРУКЦИЯ СУДЬБЫ

В конце концов, автобиографическую книгу Сергея Миронова «Серёга» (*Миронов С. Серёга. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. — 384 с. 10 000 экз.*) все равно отнесут к разряду воспоминаний политиков. Даже если и так, сегодня книга исключительно актуальна: автор стоит на том, что такое направление литературы, как политические мемуары, не элитарно, что должно быть доступно максимально большому числу читателей. В 2022 году с книгой «Серёга» основатель и руководитель партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов стал лауреатом XIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Публицистика». Рассказ «Беличий глазок» показателен для всей книги. Отец втащил в комнату большую, свежую, с остатками снега новогоднюю елку, приобнял маленького сына: «Смотри, Серенька, беличий глазок!», — и действительно, в хвойной глубине засияла одна капля, другая, потом еще и еще... Здесь точно переданы и готовность мальчика воспринимать праздничное волшебство, любовь и находчивость отца — старшины-сверхсрочника, и элемент народной

традиции... Из подобных ярких, сверкающих фрагментов составлено полотно книги, всех ее частей: «Детство», «Юность», «Десантура», «Геология», «Политика», «Четки памяти». Автор предисловия, актер театра и кино, режиссер, педагог, Народный артист РСФСР Александр Михайлов говорит об исповедальности книги: «Здесь вспоминаются и Герцен, первый после Руссо беспощадно рассказавший свою жизнь в книге «Былое и думы», и Горький — «Мои университеты», и исповедальная проза Толстого, и наши советские писатели — Бондарев, Распутин...» Это верно — перед нами не классические воспоминания, да и ровнато еще для этого. Не каждый политик уровня Сергея Миронова сохраняет восприятие прекрасного, которое видно в рассказе о коллекции минералов в полторы тысячи образцов, собираемой 40 лет и переданной в Геологический музей имени В.В. Вернадского. Аметист, лазурит и яшма, самородные платина и золото — каждый из добытых образцов связан с конкретным обстоятельством, воспоминанием, именно поэтому расстаться с таким собранием трудно — слишком оно

личное. Сергей Миронов не только видит красоту сокровищ природы, но и готов щедро ею делиться. Если уж зашла речь о геологии: в рассказе «Кольца Лизеганга» речь идет о природных минеральных образованиях, состоящих из колец идеально правильной формы, названных именем немецкого ученого. Но автор выходит на философские мысли: о том, что Кольца Лизеганга — первый, бесконечно древний образец создания гармонии из хаоса. К точной характеристике Александра Михайлова об исповедальном, то есть принципиально откровенном подходе автора, следует добавить еще и то, что перед нами коллекция рассказов, отсылающих к классической русской литературе.

В большинстве своем это именно рассказы, реже — художественные очерки, из них складывается человеческая судьба. Кажется, в книге Сергея Миронова каждому, кто живет в нашей стране, ровеснику, человеку старше или младше, найдется что почитать. Автору этих строк более инородно по душе геологическая часть и, конечно, всевозможные самородки, и главное — приключения из полевых дневников молодого геолога. О десятилетней работе в Монголии Сергей Миронов рассказывает, лишь изредка упоминая о поисках месторождений урана — зондирование поверхности производилось с воздуха, со специально оборудованного самолета, а проверять обнаруженные аномалии на предмет наличия урана должны были наземные партии, в составе которых находился и автор. Работа опасная. Но Сергей Миронов говорит в основном о Монголии, о своих товарищах, о быте, мыслях о Родине.

Тем, кто служил, близкими покажутся армейские рассказы, «На губе» — сам автор на гауптвахте не сживал, «Снежный перевал»... Студентам — рассказы студенческие, «Как я работал в мусзее», например. Кто постарше, безусловно, заинтересуются, из чего же состоит конкретная политическая деятельность — «Собчак», «Знакомство с Дмитрием Медведевым», «Первая поездка в КНДР» — о знакомстве с Ким Чен Иром; часть «Политика» — это более очерковая полити-

ческая автобиография Сергея Миронова. И все же и в ней есть литературная живость. «Проходя мимо оранжереи, я любопытствовал через переводчика: «Что это такое?» Ким Чен Ир очень оживился и рассказал, что эти растения выращивает он сам. Я признался, что очень красиво. Тут Ким Чен Ир взял меня за плечи, развернул и повел в свою оранжерею, с большой любовью он стал рассказывать о растениях. Было видно, что ему это действительно нравится. Ким Чен Ир рассказывал, где какой сорт, в том числе сорта, названные в его честь, потому что сам их вывел. Минут двадцать минимум мы провели в оранжерее. А потом продолжили свой путь по коридору вместе...» Здесь видно, что формальное следование классическому контуру политических воспоминаний сковывает автора, для него важно подчеркнуть, что ему действительно понравились растения корейского лидера, что Ким Чен Ир оценил этот его интерес и что Ким, как бы к нему ни относиться, лично с удовольствием возился в своей оранжерее, хотя, Юрий Ирсенович, как известно, родился в СССР и, конечно, не в крестьянской семье. Это внимание к деталям, которого многие политики в такого рода книгах сознательно избегают, создавая вакуум личных чувств, ощущений, занимаясь только фактами и их анализом, придает работе Сергея Миронова подлинную свежесть. К тому же деталь — это всегда достоверность, ни на минуту не сомневаясь, что все именно так и было.

Искренний, лишенный всяческой эпической монументальности текст представляет значительного политического деятеля живым человеком: деятельным, порой сохраняющим азарт молодости, стремящимся к справедливости, умеющим разглядеть красоту и передать ее словом. «Серёга» может занять место на полке с мемуарами столь же оправданно, как и между книгами современной литературы, а значит Сергей Миронов и его помощники тем более трудились не зря.

Сергей ШУЛАКОВ

ДВА ВОСПОМИНАНИЯ О БАБУШКЕ

Бабушку мою звали Дарья Ильинична, фамилия у нее была Варламова. Это мама моей мамы. На лето нас с сестрой Маринкой увозили в Новгородскую область к бабушке в деревню Большая Любунь. Ездили мы туда, когда мне было три или четыре годика, потом ездить почему-то перестали. Впрочем, помню, что бабушка стала жить у нас в Пушкине.

Маринка никогда не пила молоко и не ела ничего молочного. Ну и я, как маленькая обезьянка, тоже заявлял, что молоко не пью. И тогда бабушка придумала вот что... Когда в саду поспевала малина, бабушка ее насыпала в стакан, заливала молоком, давала мне ложечку и говорила: «Серенька, давай, ешь». Ну, я и ел, стараясь вылавливать ягоды, а молоко не трогать. С каждым разом день ото дня в стакане малины становилось все меньше, а молока — больше. И так потихонечку я привык пить молоко вприкуску с малиной. Кстати, этот вкус до сих пор вспоминаю с удовольствием.

Вот так бабушка приучила меня пить молоко.

Вторая история связана как раз с тем периодом, когда бабушка жила вместе с нами в Пушкине. Мы жили в коммунальной квартире, у нас была хорошая комната — больше 30 метров, за ширмой стояла бабушкина кровать. К ширме с бабушкиной стороны булавкой была приколата какая-то бумажная иконка.

В классе, наверное, уже в пятом, одним словом, когда в школе мы начали изучать химию, был еще такой специальный урок, который назывался «Развенчание религиозных чудес».

На этих уроках учительница показывала нам какие-то опыты-фокусы с постоянной присказкой о том, что религия — это «опиум для народа», и мы как настоящие пионеры должны бороться с таким предрассудком, как вера в Бога. И еще учительница сказала, что если кто-то из наших родственников молится Богу, то он неправ и с этим нужно бороться. Сказано — сделано.

Вернувшись из школы, я первым делом направился, естественно, к иконке. Бабушка в это время занималась где-то по хозяйству. Хорошо, что у меня ума хватило иконку не выбросить, а спрятать.

Каждый вечер, когда все ложились спать, бабушка за ширмой вставала на колени и тихонечко шепотом молилась своему Богу. В этот вечер я старался не заснуть, мне было интересно, что же будет делать бабушка, когда увидит, что молиться ей не на что — иконки-то нет. Слушал я, слушал, пока не услышал бабушкин плач, плакала она очень-очень тихо, но мама все равно слышала. Через две минуты я стоял в одних трусах посередине комнаты с иконкой в руках и выслушивал от мамы-коммунистки, а заодно от бати-коммуниста все, что они думают обо мне. Иконка была водружена на место, а бабушка попросила родителей меня очень не ругать, потому как «ничего он не понимает».

Похоже, бабушка была права.

БЕЛИЧИЙ ГЛАЗОК

Когда я был маленький и мы жили в Пушкине в коммунальной квартире на первом этаже, отец служил старшиной-сверхсрочником в военном училище и каждый раз под Новый год он привозил елку. Отец ездил с солдатами в дальний лес рубить елки для всего гарнизона и, конечно, имел возможность срубить лесную красавицу и в наш дом.

Потолки в нашей квартире были 4,5 метра, комната большая — 30-метровая.

И вот помню, наверное, в один из первых на моей памяти Новых годов, как отец уже поздним вечером, когда меня укладывали спать, привез елку. Сначала я услышал звонок, потом все забегали, потом стали открывать вторую половину двери в нашу комнату. И вот что-то огромное, зеленое, еще в снегу стало вслед за большим-большим отцом продираться в нашу комнату — это оказалась елка.

Она была, наверное, метров пять в длину, потому что отец отпилил у нее верхушку, а потом еще и часть комля. Елка была положена на пол по диагонали. Она была зеленая-зеленая, густая-густая, пушистая. От нее пахло лесом, снегом и Новым годом.

В комнате горел электрический свет — абажур под потолком. Батя снимал шинель, поглядывая на мое изумленное лицо. А я как присел перед елкой, так и не мог шелохнуться.

И тут батя подсел ко мне, приобнял и, показывая куда-то вглубь веток, сказал:

— Смотри, Серенька, беличий глазок!

— Где, где? — спросил я.

— А вон, вон.

И я увидел, как действительно в глубине елки что-то сверкает всеми цветами радуги. Мне было и радостно, и немножко страшно, что там беличий глазок, а значит, наверное, сама белка. Я прижался к батю. Но больше было радости, чем страха.

Потом я увидел еще и еще, стал показывать сестре, маме, папе огромное количество беличьих глазков. А Маринка сказала: «Никакой это не беличий глазок, это снег тает и капельки отражают абажур». Я с обидой посмотрел на нее — такой праздник испортила, столько беличьих глазков было у меня в гостях — оказалось, всего лишь капельки. Но первое впечатление от радости, что вместе с елкой отец занес белочку и я вижу беличий глазок, осталось со мной на всю жизнь.

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

Наверное, это было в первом или во втором классе.

Стояла золотая осень — «бабье лето». После школы, быстро сделав уроки, мы носились на детской площадке, которая находилась через дорогу от нашего дома. В соседнем подъезде жила девочка, как сейчас помню, звали ее Марина, а по фамилии, по-моему, Геворкова. Девочка, хотя и была наших лет, но выше нас ростом, и мы все считали ее очень красивой. Наверное, весь мальчишеский двор был тайно в нее влюблен.

Но нравилась она всем не только потому, что была красивой, но и потому, что у папы-офицера Марины был мотоцикл с коляской. Очень часто по выходным отец садился за руль мотоцикла, Маринкина мама на заднее сиденье, а Маринку сажали в коляску, и они уезжали куда-то, наверное, на пикник. Мы, конечно, завидовали Маринке страшной завистью. И пока семья загружалась в мотоцикл, норовили потрогать, покрутить ручку газа или еще что-нибудь.

И вот как-то вечером, часов в шесть, солнце заходило, было тепло, тихо, подъехал на мотоцикле Маринкин отец и крикнул: «Марина, давай прокатимся в парк!» Маринка побежала, мы, открыв рты от зависти, смотрели, как Маринка усаживалась в коляску. Так получилось, что я стоял

ближе всех, уж не знаю почему, но мужчина посмотрел на меня и спросил: «Сереж, хочешь прокатиться с нами?» Еще бы не хотеть! Второй раз повторять было не нужно, через секунду я сидел на заднем сиденье, гордо поглядывая на мальчишек, руками вцепившись в ремень Маринкиного отца, и мы поехали.

Направились за Орловские ворота, по-моему, в Баболовский парк. А там поехали по аллее, где росли клены, невысокие такие. Вся аллея была устлана желтой листвой. Маринкин отец остановил мотоцикл и предложил: «Давайте-ка соберем букет из листьев».

Мы ходили по парку, я помогал Маринке собирать букет. И было такое ощущение счастья, что оно осталось со мной на всю жизнь. И это тихое золото осени, пронизанное довольно теплым, но уже неярким солнцем, и радость оттого, что и обратно на мотоцикле поеду, и, конечно, с первой красавицей двора Маринкой собирать желтые листья, это, как сейчас бы сказали: «Ва-а-ще!»

Вот такой кусочек детского счастья вспомнился мне, когда однажды проезжал мимо своего дома.

ENGLISH

Когда я учился в школе, иностранный язык, а у нас это был английский, начали изучать в пятом классе. И помню, сначала мне очень понравился этот предмет...

Наш класс разбивали на две группы. Почему-то мы занимались в библиотеке, в группе было человек семь-десять, хотя класс был большой — человек тридцать пять. Может, нас на три группы даже разбивали?

Мне нравилось произносить иностранные слова, очень нравился английский алфавит. Одним словом, я чувствовал, что английский будет моим любимым предметом.

Честно говоря, что случилось дальше, смутно помню, но уже в седьмом классе самым ненавистным предметом для меня стал английский. Я ничего в нем не понимал и понимать не хотел.

Регулярно получал «пары». Как ни пыталась воздействовать на меня учительница, у меня было просто какое-то физическое отвращение к изучению этого предмета.

И вот заканчивается полугодие, я понимаю, что мне «светит» «пара», хотя иногда на чистом энтузиазме я получал даже тройки. Наша «англичанка» задает домашнее задание: написать сочинение о своей семье и о том, какую профессию каждый из нас хочет выбрать в будущем.

Понимая, что сам никакого сочинения не напишу, а в то же время, если за сочинение поставят положительную оценку, глядишь, трояк мне «натянут» в четверти, я решил обратиться к маме. Нет, вы не подумайте, что мама моя знала английский. Мама оканчивала школу во время войны, у нее было девять классов средней школы, от природы у нее была безупречная грамотность, но никакого иностранного языка, тем более английского, она не знала.

По уму, мне нужно было сразу обратиться к Маринке, моей сестре, которая на пять лет меня старше и к тому времени, по-моему, или оканчивала школу, или училась на первом курсе института. Но Маринка была строгим моим воспитателем, и она никогда не согласилась бы написать сочинение за меня. Она бы вымотала мне всю душу, мучила бы меня несколько дней, и мы, наверное, написали бы, в конце концов, под ее неусыпным контролем

это злосчастное сочинение, но перспектива корпеть над английским меня абсолютно не прельщала. Поэтому я решил обратиться к маме.

Однажды за ужином, сделав грустное лицо, я сказал:

— Ну что, мама, похоже, в целом четверть закончу нормально, только боюсь, будет одна «пара».

— Как «пара»? — воскликнула сестра.

— Да так, — ответил я, глядя не на Маринку, а на маму. — По английскому.

— И что же, ничего нельзя сделать? — спросила мама.

Тут я выждал, как бы сейчас сказали, мхатовскую паузу, а потом ответил:

— Да нет, можно. Вот сочинение задали...

На что Маринка сказала:

— Так давай прямо после ужина сядем и начнем писать.

— Не-е, мам, — сказал я, не глядя на сестру, — если Маринка меня будет «гонять», мы только разругаемся, и ничего не получится.

Мама обескураженно спросила:

— А что же делать?

— Мам, ты скажи Маринке, пусть она напишет сочинение за меня, я сдам, получу пятерку. Маринка же английский хорошо знает, глядишь, у меня будет твердая тройка.

Маринка тут же заявила:

— Еще чего, самому надо делать.

Но мама непререкаемым тоном сказала:

— Доча, пожалуйста, напиши за него сочинение, нам еще не хватало, чтобы этот оболтус (тут я сделал возмущенное лицо) принес «пару» в четверти.

Маринка вздохнула, сердито зыркнув на меня, села к письменному столу. Буквально через пятнадцать минут она подошла ко мне:

— На, переписывай в тетрадь своим дурацким почерком, но только сначала прочти, что я написала, и подумай.

«Еще чего, — про себя решил я, — и думать сто лет мне не нужно. А потом, если готовое сочинение, чего же буду его читать?»

Я аккуратно переписал буквы и слова, абсолютно не вдумываясь в то, что я пишу, уж тем более не пытаюсь понять смысл написанного.

На следующий день, довольный, я сдал сочинение и стал ждать, предвкушая следующее занятие, когда «англичанка» будет объявлять оценки за это сочинение.

Вот наступил счастливый, как мне казалось, для меня день. «Англичанка» вошла в класс довольная и почему-то первое, что она сделала, с большим удовольствием посмотрела на меня. Я скромно потупился.

«Англичанка» начала раздавать сочинения, хваля кого-то, говоря: вот здесь четыре, вот здесь пять. Я смотрю — уже давным-давно могла бы и мою фамилию назвать, но не называет. «Понятно, — подумал я, — хочет привести в пример, потому что у меня самое лучшее сочинение. Наверное, поставила пятерку с плюсом. Ну, ладно, подожду».

И вот, действительно, «англичанка» дошла до моего сочинения и сказала:

— А сейчас я хотела бы, чтобы Сережа Миронов прочитал свое уникальное, замечательное сочинение сам.

«Опа-на! Вот это засада!» Читать, мягко говоря, я не хотел, но самое печальное, и не умел. Но делать нечего. Начал пекать, мекать.

Вот я пекаю, мекаю, класс слушает, вроде все нормально. Я дохожу до финала, с горем пополам дочитываю последние две строчки, и вдруг весь класс взрывается хохотом и просто начинает падать под стол. Я, не понимая, смотрю на «англичанку», смотрю на класс.

Учительница спросила:

— Ты хоть понял, что сейчас прочитал?

— А как же!

Кстати, когда Маринка написала сочинение, я спросил, что она там написала. Маринка сказала, что написала про нашу семью, написала, что я очень люблю учиться в школе и что очень люблю английский язык и в будущем хочу стать геологом и, может быть, язык пригодится мне в экспедициях в другие страны.

— Молодец! — тогда сказал я Маринке.

Когда я читал сочинение перед классом, то английское слово «geology» я понял: это что-то про геологов. А значение других слов: «my mother», «my sister», которых было очень много, я знал.

Короче, не буду вас томить, уважаемые читатели, оказалось, Маринка сыграла со мной злую шутку, потому что сочинение заканчивалось в переводе на русский такими словами: «У меня есть много любимых предметов, особенно я люблю химию, люблю историю, но английский я не люблю, потому что ничего в нем не понимаю и понимать не собираюсь, и это сочинение писал не я, а моя сестра».

Конечно, поставили мне «пару». Я пришел домой, сделал самое трагическое лицо, в присутствии Маринки сказал маме:

— Ну что, мама, скажи «спасибо» Маринке, помогла она братику: «пара» теперь будет у меня в четверти.

Маринка не сразу поняла, в чем дело, и воскликнула:

— Слушай, идиот ты несчастный, неужели ты так и переписал?

— Конечно, я же доверяю своей родной сестре.

Мама сначала ничего не могла понять, а когда выяснила, она стала ругать Маринку, но та сказала:

— Слушай, мама, если он такой балбес, что даже не мог понять, что я там написала, пускай у него будет двойка, будет знать.

Кончилось тем, что мама попросила меня сходить к «англичанке» и договориться с ней о возможности переписать сочинение, попроситься на дополнительные занятия. Маринка занималась со мной неделю. Это было ужасно.

Но, в конце концов, за четверть свою «тройку» я получил.

Спустя много лет, когда оканчивал трехгодичный заочный курс английского языка и сдавал устный экзамен в Москве на Неглинной улице, при подготовке к экзамену ощутил то хорошо понятное чувство людей, знающих язык, когда уже стал думать на английском языке, я вспоминал эту забавную историю. Все-таки язык нужно учить вовремя, а не вальть дурака, как это в свое время делал ваш покорный слуга.

ШАПИТО

Когда я учился на первом курсе Индустриального техникума, однажды весной нашей обычной шумной компанией геофизиков-первокурсников вышли из здания по улице Толмачева, 9. В компании было человек восемь мальчишек. Шли, рассуждая, куда пойти: в кино, или, может, в мороженицу, или просто погулять...

И тут к нам подошел лысоватый мужчина:

— Хотите подзаработать, пацаны? Ну а кто ж подзаработать не хочет?

— Конечно, хотим! А что делать?

— Шапито ставить.

— Чего, чего?

— На Московском проспекте напротив Парка Победы летом будет работать летний цирк — шапито. Так вот, нужно его поставить.

— А как это?

— Да никак, научу.

— Сколько по времени работать?

— Работать будете после учебы часа четыре каждый день.

— А сколько дней?

— Дней за пять поставите.

— Сколько заплатите?

— По тридцать рублей.

— Клево! — сказали мы, потому что стипендия у нас была 25 рублей.

Ударили по рукам, договорились, что завтра и приступаем.

И действительно, приехали мы туда, мужичок нас встретил. Сначала мы разгружали многочисленные машины, причем среди них был различного рода реквизит, а еще клетки с медведями, с тиграми. Когда мы по направляющим спускали клетку со львом, нас опытные рабочие, которые ездят постоянно с шапито, предупредили, чтобы мы руки не клали на тот угол, где начинается решетка — зверь оттяпать может (а у клетки была с торца решетка, а с других сторон закрытые стенки).

Еще мы услышали, что с этими тиграми и львом нужно быть аккуратнее: «А то Бугримова вам голову оторвет!» Так мы узнали, что с этим цирком ездит знаменитая дрессировщица тигров Ирина Бугримова.

По-моему, в то время ей было под семьдесят (а это был год, наверное, 70-й). Фигура у нее была, как у девушки, но лицо выдавало истинный возраст. Как сейчас помню, курила она все время «Беломор» — одну за другой. Иногда, что для меня было немножко диковато, жутко ругалась матом, но зверюг своих любила.

Похоже, слушались они ее беспрекословно.

Много было веселых историй, пять дней пролетели быстро, глаза боются, руки делают, и через пять дней у нас стоял натянутый шатер, расставлены кресла, сделаны все подсобные помещения, звери находились там, где им нужно.

Нам даже позволили посмотреть несколько первых представлений бесплатно вместе с друзьями.

Наконец наступил день расчета, и, как сейчас помню, выдали нам аж по 33 рубля. И тут же у нас разгорелась бурная дискуссия: что с этими деньгами делать? Перво-наперво решили скинуться аж по пять рублей, чтобы пойти в какой-нибудь ресторан и круто это дело отметить. Но я сказал: «Не-а, пацаны, у меня другие планы», — и не пошел с ними.

А дело было вот в чем.

В тот год моя сестра Маринка, наверное, после четвертого курса, а может это была преддипломная практика, была на практике в городе Бийске Алтайского края. И незадолго до эпопеи с шапито от нее пришло письмо, которое было адресовано батю. Батя с нами уже тогда не жил, только иногда появлялся по нашему адресу. Гарантии, что он скоро появится, не было, поэтому письмо я вскрыл и прочитал.

В нем Маринка просила отца выслать ей 10 рублей — она увидела в

местном магазине какие-то белые босоножки, которые очень хочет купить, а денег нет. Мне так стало жалко сестренку: где-то там в магазине стоят босоножки, а она их купить не может. И тогда я решил оставить себе три рубля, а Маринке отправить не десять, а тридцать рублей — пускай она себе еще какие-нибудь туфельки или платьишко купит, пускай порадуется.

Но почему-то я решил, что в переводе напишу, как будто это отец ей деньги посылает.

Честно скажу, не помню, то ли совсем там ничего не написал, то ли там, где адрес заполнял, попытался почерком бати написать... Я тогда подумал, что сестренка могла бы испугаться, увидев, что это от меня перевод, подумать, откуда у брата такие деньги — вдруг украл или еще что-нибудь.

Когда пришло следующее письмо, где восторженная Маринка благодарила папулечку, я благоразумно его куда-то убрал. Батя появился через несколько месяцев, когда уже Маринка вернулась с практики. Она не забыла его поблагодарить. Батя с удивлением посмотрел на нее и почему-то взгляд перевел на меня, но ничего не сказал.

Самое главное — я так никогда Маринке и не признался, что это я послал деньги, и почему-то до сих пор, хотя уже ни моей сестренки, ни бати нет в живых (Царство им Небесное), мне от этого хорошо!

ПРИЗЫВ В АРМИЮ

Успел. Двери с шипением закрылись — каждое утро по будням начиналось с электрички. Еле отдышавшись, я прошел в салон. Раннее утро 28 октября 1971 года. Я еду на занятия в техникум.

Два года назад каждый день мы также ездили в Индустриальный техникум на факультет «Геофизические методы поиска и разведки полезных ископаемых» с моим другом Толяном (Анатолием Григорьевым). Отучились вместе мы один семестр, потом я задумил, была «знаменитая» в узких кругах эпопея поездки в Сибирь. Одним словом, летом я вновь поступал на первый курс этого же техникума. Осенью 71-го я учился на втором курсе, Толян — на третьем. У нас почему-то в техникуме часто практиковались нулевые пары, которые начинались в 8 утра. Когда у него или у меня попадалась нулевая пара, в Питер мы ездили поодиночке. Вот и в это по-ленинградски пасмурное утро, сев на привычное место с правой стороны у окна, лицом по ходу электрички, я смотрел на мокрые, уже голые деревья, мелькающие за окном, и думал о том, что будет сегодня. Сегодня будет то же, что практически на протяжении двух предыдущих месяцев.

После первого курса я поехал в первую в своей жизни экспедицию на Кольский полуостров. Там все было здорово. Кроме массы положительных эмоций и понимания, что профессию я выбрал правильно, оказалось, что я за два месяца в поле заработал огромные (по тем временам и для меня) деньги — 480 рублей. Стипендия, кстати, у меня была 15 рублей — это так, для сравнения. 280 рублей я честно отдал Маринке, моей старшей сестре, с которой мы в тот период жили вдвоем, а 200 оставил себе. Планировал, что куплю что-нибудь толковое — но уж очень хотелось рассказать друзьям об экспедиционных перипетиях, естественно, рассказать не на «сухую». И вот после встречи 1 сентября сама собой образовалась новая традиция — после занятий шли в какую-нибудь кафешку или к

кому-нибудь домой, покупали вино или пиво и «разговаривали». И так практически каждый день. Естественно, это начало сказываться на учебе, а самое главное — мне подобная традиция уже давным-давно надоела. Но компания у нас подобралась дружная, и каждый день кто-нибудь требовал «продолжения банкета».

Вот такие грустные мысли ползли в моей тяжелой после вчерашнего гололе. Воображение у меня всегда было богатое. Я легко представил, что случится через месяц, в крайнем случае, после зимней сессии. Меня наверняка исклечат из техникума, проболтаюсь непонятно как и где до мая, а потом загремлю в армию.

От Пушкина до Витебского вокзала пять остановок. Последняя перед Питером — Воздухоплавательный парк. На ней не всегда электрички останавливались. И вот когда двери закрылись после станции Купчино, у меня родилось решение: зачем ждать исключения из техникума, зачем ждать весны, когда все можно сделать сейчас, осенью, прямо сегодня!

Вышел на станции Воздухоплавательный парк, перешел на другую сторону и поехал обратно в Пушкин. Прихожу в Пушкине в военкомат и иду к военкому. Принял он меня сразу же. Я захожу к нему и говорю: «Призывник такой-то, заберите меня в армию». Седой подполковник быстро вскидывает на меня глаза и огорошивает встречным вопросом: «Кого убил?» — «Чего, чего?» — переспрашиваю. Он говорит: «Ну, чего натворил-то, что в армию собрался, раз у тебя есть отсрочка до окончания техникума еще аж на три года?» — «Да вот хочу со своим призывом отслужить», — отвечаю я, и большая доля правды в этом была. В техникуме, в моей группе, да и в других тоже, учились ребята после армии. Из их рассказов я уяснил, что лучше служить со своим призывом, чтобы потом не дразнили переростком, да и вообще со своими ровесниками всегда легче установить контакт.

Военком направил меня на медкомиссию, которая работала последний день. Пройдя всех врачей (езде — годен), в одних трусах сижу перед дверью призывной комиссии в небольшой очереди среди таких же, как я. Когда очередной призывник выходил, все у него спрашивали: «Куда?» Я слышал только два варианта ответа: в радиотехнические войска или в стройбат. В стройбат мне не хотелось, а радиотехнические войска представлялись подходящим вариантом, так как учился я на геофизика, а это — электронная аппаратура. Вот и подумал, что в армии приобрету дополнительные знания по этой части. Когда очередь дошла до меня, я оказался посредине большой комнаты перед длинным столом, за которым сидели военком, милиционер, какие-то женщины, молодой парень (как я потом понял, кто-то из райкома комсомола), а рядом два ветерана с медалями и орденами. Доложив свою фамилию, я стал ждать.

Комиссия почему-то вдруг начала оживленно переговариваться. Военком передавал всем членам комиссии какой-то листок — как потом оказалось, это была моя характеристика из приписного свидетельства. Приписывался я в качестве призывника в 9 классе, тогда был комсоргом класса, и характеристика, естественно, была суперположительной — так как я уже после 9 класса бросил школу и пошел в техникум. И вот военком мне говорит: «Мы предлагаем тебе служить в ВДВ».

Стыдно сейчас сказать, но с таким же успехом он мог бы мне сказать «АВВГД» или любой другой набор букв. «А что это такое?» — спросил я. «Как что? Воздушно-десантные войска!» Тут у меня дух захватило, причем по двум причинам. Первая причина, скажу честно, — от страха. Так

как я уже говорил, воображение у меня богатое, тут же мне представилась картина: лечу я к земле, парашют не раскрылся, и я проклиная тот миг и час, когда я дал согласие служить в этих самых незнакомых ВДВ. А второе ощущение, наоборот, — радость, и мысли в голове пронеслись примерно такие: «Ух-ты, круто! Десантником буду... Драться научат... Берет голубой... Девчонкам нравится...»

И с секундной заминкой я бодро сказал: «Согласен». Но военком опытным взглядом все-таки заметил мое замешательство и еще спросил: «А с парашютом прыгать не испугаешься?» Я отогнал уже виденную мысленно картинку и просто ответил: «Другие же прыгают, значит, и я смогу». А надо сказать, что не то, что прыгать, я на самолете ни разу не летал, но был уверен, что не спасую. «Тогда так и сделаем, — сказал военком и объявил: — 11 ноября на собеседование — сюда, 12-го — с ложкой, кружкой, с продуктами на сутки также придешь сюда».

После встречи с призывной комиссией пошел домой, но там никого не оказалось: сестра была на работе. Решил поехать в техникум, сказать своим друзьям, что на меня на предмет загульных компаний больше рассчитывать нельзя.

11 ноября пришел на собеседование. Для ВДВ из всего Пушкина отобрали 9 человек. Нас собрали в зале. Военком коротко рассказал о Воздушно-десантных войсках, предупредил, что, скорее всего, нас направят в учебку в Литву, но заметил, что краснеть за нас не хотел бы, и самое страшное, если среди нас будут отказчики (впервые услышал это слово), то есть те, кто испугается прыгать. Военком был очень мудрым человеком и действительно не хотел за нас краснеть, поэтому после он добавил: «Сейчас я объявлю перерыв на 10 минут на перекур. После перерыва те, кто твердо решил служить в ВДВ и не побойтся прыгать, возвращаются в этот зал, кто спасует, пусть приходит завтра ко мне на прием. Направлю в другие войска». Мы вышли, причем вроде бы все были друг у друга на виду, постояли на улице, кто курил — курил. Через 10 минут вернулись в зал, и вдруг я обнаружил, что нас только 8. Кто-то один струхнул.

Вечером устроил для друзей отвальную, все как полагается: выпили, попели геологических песен, лег спать, проводив друзей. Утром мама, Маринка и Толян, конечно, пошли провожать меня до военкомата. Накануне приехал батя, подарил мне свои часы, обнял, сказал: «Служи честно, сынок».

У военкомата нас посадили в автобусы, причем всем, особенно родителям, говорили, что везут нас на сборный пункт куда-то в Ленинградскую область. На самом деле, как я потом понял, специально обманывали, потому что буквально через 10 минут мы высадились на территории 5-го военного городка на улице Огородной, буквально в двух шагах от моего дома. Удрать было нельзя, мобильных телефонов тогда не было, телефона у меня и в коммунальной квартире тоже не было, одним словом, никак не получилось сообщить, что мы совсем рядом.

А 12 ноября — похуже, выпал выходной день, потому что сестра была дома — нас построили в колонны и вывели за ворота. Я все думал: куда нас поведут? Ближе всего было вести на станцию в Павловск, но тогда мы должны были пройти прямо мимо моего дома. Так оно и оказалось. Мы жили на первом этаже, правда, окна нашей комнаты выходили внутрь военного училища. Но меня увидел сосед, и я ему помахал. Он, видимо, передал Маринке, и она очень быстро догнала нашу колонну. К ней сразу же стал «клеиться» сержант, который приехал за нами. Маринка (Цар-

ство ей Небесное), не будь дурочкой, всячески старалась его расположить к себе, приговаривая, чтобы братика не обижали. Я помалкивал.

В тупике у Павловского вокзала нас посадили в плацкартные вагоны, поезд тронулся в путь. Приехали ночью. Вышли на какой-то станции, где даже платформы не существовало, а просто место рядом с составом освещалось прожекторами. Вдалеке лаяли собаки, и что-то было тревожное и мутное в душе. Мы выходили из вагонов не проснувшиеся, нас строили, пересчитывали, перекликивали, потом куда-то повели практически в полной темноте. Оказалось — в баню.

В бане, после того как мы разделись, в приготовленные наволочки затолкали свою гражданскую одежду и на наволочке, слюнявя химический карандаш, подписали свой домашний адрес, пошли в чем мать родила в сторону банного зала. В предбаннике сидел здоровущий мордovorот в кальсонах и рубахе. Перед ним стояло ведро с белой, жутко пахнущей бурдой, а в руках он держал длинную малярную кисть. Он приказывал каждому встать перед ним, расставив ноги и раскинув руки, потом макал свою кисть в это ведро и тыкал нам подмышки и в пах. Как я понял, это была санобработка. Потом мы мылись, а кто еще не был стриженный, того еще и стригли. Сам я подстригся за несколько дней до призыва.

Да, забыл сказать, когда выгрузились из вагонов и стояли в темноте, подошел ко мне какой-то солдатик, сказал: «Хочешь, в клевое место распределят служить?» Ну, а кто не хочет? Конечно же, я хотел. Тогда он сказал: «Давай махнемся часами». Часы были подарком отца, правда, старенькие, «Победа». Ну, думаю, ладно, может, как раз и послужат батини часы хорошему началу службы. Мы «махнулись». Уже в бане заметил, что мои новые часы без стрелок: ни минутной, ни часовой. Одним словом, выбросил я их. Неприятно стало. Ну, ладно, думаю, пусть останется это на совести того солдатика.

После бани нам выделили обмундирование. Никаких тельняшек — белые кальсоны, белые рубахи х/б, без погон, сапоги. Большинству начали объяснять, как наматывать портянки. Слава Богу, в своем первом поле, на Кольском, я научился это делать профессионально. Старшина, который выдавал обмундирование, на это обратил внимание и спросил: «Где наместрился?» Я веско ответил: «Доводилось». Привели в казарму: койки двухъярусные, специфический казарменный запах (который на целых два года теперь будет казаться родным). Отбились. Заснул, как провалился. Таким было начало моей службы в ВДВ.

ЭКЗАМЕНЫ

Один экзамен по политподготовке в ВДВ очень повлиял на всю мою дальнейшую армейскую судьбу. А дело было так...

Мы долго готовились, знали, что будут билеты с самыми разными вопросами: и по истории Советского Союза, и по истории Советской армии, были различного рода практические вопросы; во многих билетах был, например, такой вопрос: пересказать воинскую присягу и рассказать об истории возникновения присяги солдата Советской армии.

Кстати, присягу мы принимали где-то в середине декабря. Я помню это торжественное построение. Накануне присяги за нами расписали автоматы, у каждого был свой номер, свое место в ружпарке, и каждый холил и лелеял, в том числе во время специальной чистки оружия, свой автомат все эти 6 месяцев. Текст присяги, конечно, я помнил наизусть.

Нужно сказать, что я еще в школе, в самодеятельности и на уроках литературы, любил декламировать стихи, мне моя учительница Алла Константиновна Неклюдова говорила, что у меня неплохо получается.

И вот наступил день сдачи экзамена по политической подготовке для нашего взвода. А ротный, «Холюра», был у нас капитаном. Он, похоже, давно переслужил это звание и очень мечтал получить майора и уйти либо заместителем командира батальона, а может быть, если повезет, и командом.

И тут вдруг на сдачу экзамена по политподготовке приезжает старенький генерал из штаба ВДВ — начальник по политической подготовке, то есть главный замполит Воздушно-десантных войск. Он захотел присутствовать на экзамене в какой-нибудь роте. И уж не знаю почему, может быть, «Холюра» подсуетился, одним словом, генерал пришел на сдачу экзаменов именно к нам. Сдавали мы в Ленинской комнате прямо в расположении роты.

Вот мы расселись, за преподавательский стол сел генерал, рядом с ним «Холюра» и наш взводный. Взводный разложил билеты на столе, все по-настоящему, и сказал: «Товарищи курсанты, прошу получить билеты». По одному мы стали подходить, тянуть билеты и рассаживаться по местам.

Я вытянул билет, первым вопросом у меня стоял Брестский мир. Я сразу понял, что еще со школы все об этом помню. Вторым вопросом стояла присяга. Не помню, всего два вопроса было или, может, был третий вопрос, но это не важно. Только я сел за стол, вдруг скачущий генерал оживился и сказал: «А что, десантники, есть ли среди вас смелый хлопец, который готов отвечать билет без подготовки?» «Смелые хлопцы» опустили головы, делая вид, что ничего не слышат, а я увидел, как «Холюра» делает мне страшные глаза и какие-то знаки.

Я понял, что он хочет, чтобы я вызвался отвечать без подготовки. Действительно, вопросы я знал, да, впрочем, я все вопросы знал, по всем билетам. Я кивнул «Холюре», вскочил и бодро сказал: «Курсант Миронов». Генерал радостно заулыбался: «Вот молодец, храбрый, ну, давай, курсант Миронов, выходи, рассказывай».

Я вышел и начал рассказывать про Брестский мир (моя любимая учительница истории в школе Ираида Сергеевна Пронина сама очень любила историю и преподавала нам блестяще). Когда я рассказывал всему взводу и генералу все, что я знаю про Брестский мир, судя по выражению лица генерала, многие вещи он услышал от меня впервые.

Дослушав до конца, очень радостно и довольно поглядывая то на меня, то на «Холюру» (а «Холюра» весь аж светился), генерал сказал: «Ну что, теперь давай присягу». И тут, набрав побольше воздуха в легкие, я, подражая голосу Левитана, со сталью в голосе, четко и веско начал произносить: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Вооруженных Сил, торжественно клянусь...»

И вдруг я почувствовал что-то не то, я глянул на генерала, у того в глазах стояли слезы. Не дослушав присягу до конца, он вдруг вскочил, поцеловал меня в засос, потом то же самое сделал с «Холюрой», и уже не глядя на меня, а только на «Холюру», сказал: «Ай да капитан, ай да молодец, каких гвардейцев готовишь! Как произносит, как чеканит присягу! Золотые слова!»

Тут он повернулся ко всем и сказал: «Молодцы! Уверен, что у тако-

го командира (тут он снова глянул на «Холюру», который, мне казалось, не стоял, а парил уже где-то под потолком), конечно же, все сдадут на отлично. Молодец, капитан!» И вдруг, как будто впервые увидев погоны у нашего «Холю-ры», он сказал: «А, кстати, ты в капитанах не засиделся?»

Счастливым «Холюра» быстренько предложил товарищу генералу пройти к нему в канцелярию чайку попить. Я понял, что теперь за будущее «Холюры» можно не беспокоиться.

ПОСТ № 1

В полку, как известно, есть несколько постов. Пост № 1 — это пост около знамени части, самый тяжелый пост, потому что там нужно два часа стоять практически по стойке «смирно» с автоматом на груди. Инструкция для часового на посту № 1 была вот такая: в случае возникновения пожара нужно было немедленно прикладом разбить стеклянный саркофаг, внутри которого стояло знамя части, схватить его и выбежать на улицу, на плац.

Однажды приехала высокая комиссия из Главного политического управления Советской Армии. Кажется, это был маршал Епишев — может быть, я ошибаюсь, но на проверку в наш полк прибыл именно сам главный замполит советских Вооруженных Сил. И вот стоит боец на посту № 1, время где-то 11 часов дня, то есть полк занимается боевой учебкой, штаб полон офицеров, а маршал со свитой заходит в штаб. Понятно, команда: «Смирно!» Часовой — ни жив, ни мертв, стоит навытяжку, правой рукой держась за приклад автомата, левая — на цевье.

Московский маршал глянул на часового и вдруг подходит к нему и говорит: «Гвардеец, даю вводную: „Пожар в штабе!“ — действуй!» И гвардеец, не долго думая, на глазах у изумленной публики долбанул прикладом по стеклу, разбил стеклянный саркофаг, схватил знамя и мимо всей свиты бросился на улицу. Говорят, такого отборного мата давно никто не слышал. Но маршал (нужно отдать ему должное) успокоил и комдива, и командира полка. И бойцу вместо 15 суток гауптвахты дали 10-дневный отпуск домой, потому что, как сказал маршал, если бы он сказал: «Раскажи, каковы твои действия в случае поступления такой команды», — это было бы одно, а маршал командовал: «Пожар в штабе!» — и гвардеец выполнил все, как учили.

АРМЕЙСКИЙ ПОРЯДОК

В армии с первых дней приучают к армейскому порядку. Это касается и заправки кровати, и полотенца для ног, которое должно было висеть на нижней перекладине в правой части спинки кровати, а лицевое —верху и в левой. В тумбочке должен быть определенный набор: мыло, зубная паста, щетка, возможны еще нитка, иголка, но все это тоже должно лежать в определенном порядке.

Нужно сказать, что эти постоянные требования идеального порядка, чтобы все было по линейке, за два года очень сильно въедались и в сознание, и, можно сказать, в кровь. И вот буквально за два месяца перед дембелем в нашем полку должны были устраивать показуху.

Бравые гвардейцы-десантники должны были ложиться на дорогу, по которой поедет танк. Танк наезжал на десантника, лежащего прямо в

колее, по которой проходила гусеница. Танк шел довольно быстро, думаю, километров 20–30 в час, не на полной скорости, конечно. И нужно было, когда танку до тебя оставалось не более трех метров, быстро откатиться в сторону, в кювет, где лежала приготовленная противотанковая граната, учебная, конечно.

После того как танк проезжал мимо, ты должен был по-гвардейски соскочить из кювета, размахнуться что есть силы и бросить гранату в танк. Граната была учебная, там был вставлен холостой винтовочный патрон. При ударе гранаты о броню раздавался хлопок, что должно было свидетельствовать, что танк подбит и ты, гвардеец, молодец, получи с полки пирожок!

Самое интересное, я уже свое за два года службы пооткатывался из-под гусениц, я был гвардии старшим сержантом и в показухе участвовали мои бойцы, а я должен был все обеспечить, в частности, через каждые двадцать метров по колее должны лежать бойцы и рядом с ними в кювете — заранее положенные туда противотанковые учебные гранаты.

И вот остается времени совсем немного, бойцы уже расставлены на расстоянии двадцати метров, пока еще не положены на колею, стоят, а гранаты, конечно, все разложены, лежат ровненько на дне абсолютно чистого, я бы даже сказал, вычищенного от всякого мусора и травы кювета.

Буквально через пять минут должно приехать высокое начальство. Я пробегаю в последний раз, инструктирую бойцов, заодно поглядываю, как лежат гранаты. И тут вижу, что все гранаты лежат как по ниточке, а одна чуть-чуть развернута, то есть неровно лежит.

Соскакиваю в кювет и кончиком сапога аккуратненько пытаюсь подвинуть гранату, чтобы она легла ровно. «Бабах!» Явно мой сапог не был броней, я помню, что старался сделать движение ногой очень осторожно, но, тем не менее, граната сработала, холостой патрон выстрелил, и пороховые газы долбанули меня в носок сапога. Я почувствовал жуткую боль, глянул на сапог и ничего не понял, потому что подошва была отдельно, верх сапога отдельно, но самое ужасное, там, где должны были быть пальцы, там все сплющено.

Я охнул, сел на кювет, но тут же подскочили ребята и, опираясь на них, я поковылял на одной ноге в расположение роты. Кое-как стянул сапог, пальцы все были синие, ногти потом на трех пальцах сошли, но, к счастью, ничего не сломалось, ничего не раздробилось, а сапоги потом я получил новые.

Недели полторы ходил в тапочке и очень переживал: вдруг пальцы не вернуться в исходное положение до дембеля и как же я поеду на дембель — в тапочке, что ли? До дембеля все зажило, и домой я ехал бравым десантником-гвардейцем.

На всю жизнь запомнил эту тягу к армейскому порядку и как тогда чертыхнулся: «Какой черт меня дернул поправить эту гранату? Лежала себе неровно и лежала бы!»

Хотя, если бы вы видели мой рабочий стол в конце рабочего дня, вы бы поняли, что тот армейский порядок влез в меня навсегда, потому что стол мой в конце рабочего дня в идеальном порядке, в чистоте — ни одной бумажки. И уйти с работы, оставив на столе все трам-тара-рам, не могу, как бы мне этого ни хотелось.

Все-таки армейский порядок есть армейский порядок.

НА ГУБЕ

Хочу рассказать одну байку-быль про коменданта города Кировабада, который славился своей свирепостью и жестокостью. Он был не из десантников. По национальности, по-моему, украинец. Сам о себе очень любил говорить в третьем лице: «Я хохол хитрый, меня, хохла, еще никто не проводил» — и так далее.

В каждой части была своя «губа», но это была такая, домашняя. За более строгие провинности назначали гауптвахту гарнизонную. Так вот, никто никогда от коменданта не уходил, отсидев ровно положенный срок, он всегда всем давал ДП (дополнительный паек, а на самом деле — дополнительное наказание), хоть сутки, но прибавлял, и причина всегда находилась, как бы ты себя дисциплинированно ни вел, как бы ни выполнял хозработы — все равно он находил, за что набавить срок.

Однажды, когда наш полк дежурил и, в частности, я был в патруле по городу, у начальника комендатуры, видимо, было хорошее настроение, и он, сидя на лавочке у комендатуры, нам рассказал, что однажды, как он сказал, «гарный хлопец из ваших, из десантуры», здорово его «обвел вокруг пальца».

И вот такая история.

Гвардеец за что-то получил 10 суток и как-то он так, как дословно сказал комендант: «Тихим мышонком просидел, что даже я его лица не запомнил. И ни разу за десять суток он мне не попался, чтобы ему добавить ДП». И вот утром на разводе вдруг этот «тихий мышонок» докладывает: «Рядовой такой-то, шапка, шинель — мои, претензий не имею. 10 суток гауптвахты отсидел, прошу откомандировать в часть». Комендант рассказывает: «Ну, думаю, дела, ничего себе хлопчик, и как ты так у меня выкрутился. Ну, думаю, от меня ты так просто не уйдешь.

— Ну, ладно, — говорю, — раз так, вот тебе задание, сделаешь — и свободен».

Во дворе комендатуры стояла пустая 200-литровая пожарная бочка. «Хитрый хохол» дает гвардейцу кружку 250-граммовую со словами: «Наполнишь кружкой вот эту бочку водой, и все — ступай, свободен». А кран с водой находился в самом конце длинного коридора, то есть нужно было пройти через всю комендатуру, чтобы дойти до него. Строго-настроено приказал часовому у «грибка», чтобы не позволял носить бойцу воду ведрами или еще в чем-то, и ушел в полной уверенности, что уж минимум целый день тот будет носить кружкой воду. Проходит час, вдруг гвардеец уже у дверей докладывает: «Товарищ капитан, ваше приказание выполнено».

«Фу ты, ну ты, — думаю, — не может быть. Выхожу на крыльцо, день солнечный, смотрю на бочку, которая стоит в углу двора, — доверчу зеркало воды и даже стекает по краям. Ну что ты будешь делать?! Спросил, естественно, у часового: „Носил кружкой?“ Тот отвечает: „Так точно, только кружкой“. Отдаю ему документы, ремень. Все, шагай, марш!

Вернулся к себе в кабинет, сижу и думаю: что-то здесь не так, не мог он за час кружкой натаскать воду. Бойца отпустил, он уже ушел. Подхожу к бочке и вижу, е-мое, он оказывается бочку перевернул (а у бочки на дне снаружи есть такой поребрик) и до поребрика залил воду, четырех кружек ему, наверное, хватило, еще, чертенок, час выждал, потому что мог все сделать за десять минут, и таким образом провел меня — меня,

хитрого хохла!» И опять же, посмотрев на нас, сказал: «Этот из ваших был, из десантуры».

Но при этом, хотя он рассказывал, как его провели, чувствовалось, что очень ему нравится, что нашелся хитрый десантник, который провел его, хитрого хохла.

СНЕЖНЫЙ ПЕРЕВАЛ

*Посвящается моему другу
гвардии старшине ВДВ
Константину Борисовичу Павловичу*

Были еще одни уникальные во всех смыслах учения, которые я запомнил на всю свою жизнь.

Шел февраль 1973 года. До дембеля мне оставалось меньше года, я был в звании гвардии старший сержант, уже опытный десантник, ребята меня уважали — одним словом, то самое высказывание в первые дни в учебке «службу поймете, и будет легче» я уже постиг, потому что действительно службу понял и служить было и легко, и интересно.

Пронесся слух, что нас будут готовить к каким-то необычным учениям, более того, стали опрашивать: кто умеет ходить на лыжах, у кого какой размер сапог, при этом говорилось не о сапогах, а о валенках. Стали проверять наши бушлаты, менять старые на новые. Потом привезли ватные стеганые штаны.

Одним словом, затевалось что-то интересное.

Скоро каждому раздали лыжи. Мы ладили на них крепления, примерялись. Крепления были из брезентовой петли с резинками на пятку. А при этом на улице, на плацу — ни снежинки, температура плюс пятнадцать, где-то уже зелень в полный рост, а куда мы будем прыгать, что будем с этими лыжами делать — никому не понятно. Но потихонечку стало все вырисовываться.

Оказалось, что Закавказский военный округ по поручению министра обороны СССР Гречко должен провести мощные общевойсковые учения под названием «Снежный перевал». В то время (впрочем, как и сейчас) Турция была членом НАТО, и в этой связи гипотетически рассматривался вариант нападения Турции на наши южные границы, и соответственно войска Закавказского военного округа должны быть готовы отразить любое нападение.

По сценарию учений тактическая обстановка складывалась таким образом.

Южные (читай — турки) якобы перешли границу внезапно и довольно успешно продвигались вглубь нашей территории через Кавказский хребет. И уже, собственно говоря, передовые части НАТО спускались с северных отрогов Кавказа в долину. (А войска могли проходить только через одно место — через перевал, который в это время года весь в снегу.) И задача нашего десанта была десантироваться на этот перевал, который находился на высоте 3150 метров, и, заняв оборону, не пропустить новые силы «южных» на нашу территорию, а когда прорвавшиеся соединения «противника» начнут «мочить» наши основные части, не пропустить их обратно.

То есть оборону на перевале мы должны были занять на два фронта: и на юг, и на север. При этом нам говорилось, что коль скоро перевал за-

нют «южными», то десантироваться будем прямо на голову врага. Уточнялось, что в качестве «врага» будет размещена пехота.

Можно смеяться, но я лично так себе и представлял: в траншеях (вероятно, вырытых в снегу) сидят пехотинцы, причем понимал, что это наши, но почему-то даже видел, что они чуть ли не с трехлинейками сидят у костерков, а тут мы — как «снег на голову», в прямом смысле, упадем, быстренько всех перелопатим, спокойно зайдем оборону и будем ждать дальнейших команд.

Готовили нас наши замполиты морально, рассказывая о негодях из НАТО, которые спят и видят, как бы отхватить кусочек повкуснее у Советского Союза, готовили нас к трудностям, говорили, что это высокогорье (для меня это был пустой звук, впрочем, как и для подавляющего большинства моих ребят, может, только ребята из Дагестана представляли, с чем придется столкнуться).

Потом стала проясняться ситуация: как же будут десантироваться лыжи.

Лыжи со всего взвода паковались в отдельный тюк, который потом на парашюте спускался на землю. К тюку должны были присоединить дымовые пашки, которые автоматически начинали дымить после отделения от самолета, и дымить они должны были в течение 15-20 минут.

Учитывая, что до земли лететь лыжам минуты две, значит, довольно длительное время из того места, где упадет тюк, должен был подниматься столб дыма — это нам для ориентировки, чтобы искать срочно лыжи, распаковывать их и уже на лыжах, как обычно, в цепи быстро покидать площадку приземления. Парашюты при этом мы должны были бросать на месте.

Мы несколько раз тренировались на плацу надевать лыжи, даже изображали шаг по асфальту на этих лыжах, надевали теплый бушлат с большим воротником, шапки-ушанки, ватные штаны. Вид у нас был смешной — на улице плюс пятнадцать — хохотали мы до упаду.

Но вот настал день, когда мы пошли на аэродром.

Слава Богу, ума хватило не поднимать нас по тревоге и тем более не заставлять бежать бегом (представляю себе картинку, как при 15-градусном тепле мы бежим в ватных штанах, бушлатах, валенках и зимних шапках).

В роте мы приоделись в зимнее обмундирование, деваться некуда, поверх бушлатов надели рюкзак десантника, взяли автомат, два рожка холостых патронов, учебные гранаты с зарядом в виде винтовочных холостых патронов, которые, ударившись, допустим, о какую-то поверхность, «взрываются». И вот такие увешанные, медленным табором мы двинулись на аэродром. Когда мы до него дошли, с нас, конечно, все уже текло. Посадили, и мы еще часа два ждали погрузки. Наконец, погрузились.

Да, еще до этого нам показывали макет местности, на которую нужно было десантироваться. Вырисовывалась очень интересная картина: перевал представлял из себя низину в окружении гор, с севера и юга к нему подходит довольно узкая дорога, или, скажем так, направление, тоже зажатое горами. Наши самолеты должны были перевалить через северный хребет, потом идти вниз и где-то с середины площадки приземления снова набирать высоту, чтобы перевалить через хребет южный.

Поэтому нас предупреждали, что 60 человек десантироваться должны не более чем за полторы минуты. Причем первую минуту мы должны

были бежать к люку как бы в горку, а последнюю минуту, кому достанется, наоборот, должны были высыпаться из люка, потому что самолет будет лететь с задраным кверху носом.

И вот мы полетели.

Летели долго, в сплошной облачности, стало сильно болтать, в общем-то, мы были привычные, но кое-кто уже начал «травить», и ему передавали ведерко. Настроение, честно говоря, у всех было не очень воинственное (как будто мы чувствовали, что нас ждет).

Вот зажглась желтая лампа над люком, рампа стала открываться, снежный вихрь ворвался вовнутрь, мы увидели сплошную облачность. Зажегся зеленый сигнал, и с криками «Ура!» мы бросились в люк.

Меня закрутило, но все прошло штатно, дернул купол.

Сначала летел секунд десять в облаках, потом внизу увидел: местами торчат черные скалы и все в снегу. Мне казалось, что я еще должен был минуту находиться в воздухе, как вдруг увидел, что земля стремительно приближается (это я потом сообразил, что воздух-то «разрежен» и летишь намного быстрее).

Вот, наконец, земля, я напряжинил ноги, но можно было этого не делать, потому что буквально через секунду в прямом смысле слова по самую шею оказался в снегу. Быстро начал вырываться — нужно было подтянуть стропы, чтобы купол меня не понес, но на земле было абсолютное безветрие, а самое главное — пугающая тишина.

Я начал лихорадочно выкапываться, но потом почувствовал, что у меня нет сил. Я еще не осознал, в чем дело, снова стал шебуршиться, и опять то же самое. Только потом мы догадались, что на высоте трех тысяч метров просто элементарно не хватает кислорода, а мы к этому не были готовы.

Все-таки кое-как удалось мне выбраться.

Слава Богу, когда попробовал, отползя от лунки, которую сделал своим телом, встать на ноги, оказалось, что я проваливаюсь не по шею, но, скажем так, «вам по пояс будет», это точно. Я начал лихорадочно оглядываться — мне показалось, что уже смеркается. На самом деле, действительно, мы долго просидели, вылетели где-нибудь в час дня, часа два летели, зимой темнеет быстро, особенно на юге.

И вдруг за ближайшим холмом я увидел черный дым, причем совсем близко. «Здорово!» — подумал я. И начал проламываться туда.

Но с удивлением понял, что дым движется, а через секунду услышал странный звук, похожий на шум мотора то ли танка, то ли еще чего-то. Тут на полном ходу выскакивает БМП (боевая машина пехоты). Меня осенило: «Пехота не с трехлинейками, она же вся на броне, на БМП». Я понял, что это мой «противник».

Причем БМП ехал довольно быстро и не обращал на меня никого внимания. Мне стало обидно, и я с большим удовольствием расстрелял пол-рожка холостых патронов в него, а когда он приблизился ко мне, даже бросил в него учебную гранату, которая ударилась о броню и раздался выстрел холостого винтовочного патрона, заложенного внутри гранаты.

Хотя БМП — это машина, внутри которой люди, но для меня он был как одушевленное существо. БМП, услышав хлопок гранаты, как бы с удивлением остановился и начал разворачивать башню в мою сторону. Я понимал, что у них тоже холостые патроны, но вообще-то даже из автомата холостыми нельзя стрелять в человека с расстояния ближе, чем три метра, потому что кусочки медной гильзы могут поранить.

И этот крупнокалиберный пулемет развернулся и «лупанул» в меня что есть силы, я даже почувствовал, как меня обдало горячим воздухом. «Ах, ты, — думаю, — зараза!» — и показал ему кулак, но БМП безучастно двинулся дальше.

Я стал оглядываться — больше никаких дымов не видно. Более того, показалось, что я тут совсем один.

Забыл сказать, что мы были в белых маскхалатах поверх одежды. Кстати, хорошо, что нас командиры экипировали таким образом, потому что морозец чувствовался очень даже — начавшийся легкий ветерок обжигал щеки. И тут я увидел бойца. Меня насторожило, что он лежал, я даже подумал: не случилось ли что. Но, не увидев рядом с ним парашюта, понял, что он явно не из-за последствий прыжка лежит.

Когда я добрался до бойца, глаза у него были вытаращены, он хватал ртом воздух и говорил: «Дышать не могу — нечем». — «Ну, что делать, надо потихонечку», — стараюсь успокоить его. И мы вдвоем кое-как двинулись. Одним словом, к дороге вышли мы часа через четыре, было уже темно.

На самом деле, захват плацдарма, к сожалению, провалился именно из-за того, что не учли эффект высокогорья и глубину снега. (Кстати, по метеосводкам нас предупреждали, что глубина снежного покрова 25 сантиметров. Реально, я думаю, там было все два метра.)

А в это время «противник» на БМП ездил по площадке приземления и собирал и парашюты, и гвардейцев-десантников. Началось братание.

Ладно, раз не смогли разбить «противника» с воздуха, тогда решили, что мы должны окопаться и утром контратаковать.

Развели пехоту и нас по разные стороны, вырыли мы окопы из снега и всю ночь «спали» в этих окопах. Тут я вспомнил, как в учебке нас два дня морозили на полевом выходе зимой в плащ-палатках. Этот опыт очень пригодился, потому что я знал, что меня ждет в течение долгой-долгой ночи.

Подвезли наши лыжи, которые, оказалось, упали по другую сторону перевала. И еще — из нашего полка десантировалось чуть меньше половины, так как летчики не рискнули открывать люки, потому что не успевали сделать маневр — обогнуть в сплошной облачности горные хребты.

Слава Богу, никто не разбился и самолеты не повредились. Но тех, кто оказался на перевале, было в два раза меньше, чем требовалось. Как прошла та ночь, вспоминается с трудом.

Утром действительно подошли БМД (боевые машины десанта), и мы, прикрываясь ими, цепью, на лыжах, по команде, причем такое ощущение, что командовал кто-то чуть ли не с вертолета по громкоговорителю, ринулись вперед.

Нужно сказать — рванули красиво.

Был солнечный день, да и «дыхалка» адаптировалась. Впереди — цепи пехоты, которая спешила с БМП. Уж не знаю, то ли вид у нас был такой бесшабашный, то ли по какой-то другой причине, то ли командиры приказали, но, не добегая до «противника» метров двести, мы увидели, как они по команде развернулись к нам спиной и побежали.

Мы с удовольствием выпустили полный запас рожков с холостыми им вдогонку. Заняв рубежи «противника», решили отдышаться. Потом всех собрали, построили и маршем повели вниз в какой-то населенный пункт, где ждали машины, которые должны были нас отвезти к железнодорожной станции.

Ночью сделали привал (забегая вперед — дошли мы к населенному пункту только к утру), и здесь случилась интересная ситуация.

У нас, в частности у меня, было несколько ракет на случай подачи сигналов, не все расстреляли свои холостые патроны, у кого-то оказались даже взрывпакеты, учебные гранаты. Когда мы биваком расположились прямо на снегу, кто-то первый пустил ракету.

И что тут началось: мы начали палить, пускать ракеты, швырять взрывпакеты. Офицеры забегали, зашумели. Через полчаса построили и начали всех «шмонать», приказывая все сдать, вплоть до холостого патрона, потому что оказалось, что недалеко находилась какая-то деревушка и бедные жители, наверное, подумали, что война началась.

Через двое суток мы вернулись в расположение родной части.

Кстати, спустя три недели мама мне написала, что ей пришло письмо, написанное на бланке, с благодарностью от командующего Закавказским военным округом, где говорилось, что ваш сын проявил мужество и выдержку, за что ему объявляется благодарность командования за участие в общевойсковых учениях «Снежный перевал». До сих пор у меня где-то хранится это благодарственное письмо.

НЕ ЖАЛЕЮ

Этот эпизод оставил очень глубокий след в моей жизни, эпизод, который очень хорошо показывает, что такое ВДВ, а может быть, и объясняет, почему я так горжусь, что служил в десанте, и почему для десантника действительно свят и дорог его род войск.

В нашей роте служил парень, почему-то мне кажется, что звали его, как и меня, Сергей, и даже фамилия вспоминается — Морозов. По-моему, был он из Москвы. До армии он окончил швейное профтехучилище и был, наверное, портным.

Естественно, узнав, какая у него специальность, начальство сразу же после карантина его определило служить на склад парашютно-десантной службы, где он занимался по своей профессии — на швейной машинке чинил, латал парашюты, различные детали к нему (купола и так далее), которые, конечно же, рвались после каждого прыжка. Работа у него была не пыльная, он не посещал боевые занятия, даже, по-моему, в столовую ходил отдельно от нас. Мы его практически не видели, приходил он только спать в расположение роты.

И вот, по-моему, это было весной 1973 года, врать не буду, не помню, одним словом, должны были быть крупные учения, минимум, дивизионные. Вдруг этот Серега говорит: «Я хочу прыгнуть — скоро на дембель, а у меня всего три прыжка». Ему говорит начальство: «Ты должен на площадке приземления парашюты собирать» (потому что во время боевых учений мы бросали парашюты на площадке, а не собирали их, как во время тренировочных прыжков).

Но он настоял на своем. К сожалению.

Наступил день учений. Погода была хорошая, солнечная, тепло. Когда я выпрыгнул с Ан-12-го, лег на поток, раскрыл купол, то увидел красивейшее зрелище — почти тысяча куполов в небе. Я быстро оглядывался: нет ли кого рядом, чтобы не сойтись. И вдруг услышал крик, причем, это не один человек кричал, а кричали сразу же несколько десятков, а может быть, и сотен, а уже через долю секунды кричали все, потому что мы видели, как камнем к земле летит комок спутанных куполов, и мы понимали, что ничего сделать нельзя.

Было понятно, что там даже не один купол, а, как минимум, два.

Это значит — кто-то сошелся в воздухе, кто-то кому-то пробил купол, и теперь надежда была только на то, что они смогут стропорезами отрезать запутавшийся купол, оттолкнуться друг от друга и открыть запаски.

Перед самой землей действительно вроде бы показался купол запаски, но было поздно. В ужасном состоянии мы приземлялись, но боевая задача — есть боевая задача. И площадка приземления должна быть покинута не более чем за 40 минут. Мы пошли в наступление. Учения длились, по-моему, трое суток.

Уже вечером этого дня мы узнали, что наш сослуживец Сережка Морозов погиб. Еще мы узнали, что к нему в купол попал офицер, лейтенант, и он тоже погиб. Но о том, что и как происходило, мы узнали на подведении итогов учений от нашего комдива — гвардии генерал-майора Спирина. Проглатывая комок в горле, он в микрофон рассказывал нам, как все это случилось.

Сергей выпрыгнул, купол раскрылся нормально, то ли следующая тройка «кораблей» шла чуть-чуть пониже, то ли еще какие-то обстоятельства (так и осталось непонятным) — одним словом, неожиданно его купол пробивает другой парашютист, лейтенант (фамилии я, к сожалению, не помню). А у Сережки это четвертый или пятый прыжок.

Нас готовили к таким ситуациям: первое, что необходимо сделать, понимая, что твой купол пробит и смят и он уже не расправится, — перерезать стропы, отлететь в свободном падении и в чистом небе открывать запаску.

А Сережка, увидев нештатную ситуацию, тут же дернул свою запаску. Купол лейтенанта тоже уже был раскрыт, он раскрылся автоматически, и два купола просто сплелись. Запаска Серегина тоже примешалась сюда — это был огромный комок перкала и капрона.

У лейтенанта оставалась его запаска, и он мог спастись, ему просто нужно было отрезать свои стропы, отбросить комок куполов вместе с Сережкой и в чистом небе раскрыть свою запаску, и тогда бы лейтенант остался жив. Но это был лейтенант Воздушно-десантных войск, и он поступил так, как и должен поступать настоящий офицер, настоящий десантник.

Он не бросил Сергея, он стал пробовать вырезать запутавшиеся стропы и купола с тем, чтобы освободить свою запаску и отбросить купол своей запаски в сторону, при этом одной рукой он держал соскальзывающего на стропях Сергея.

Лейтенант боролся за обе жизни до конца, до земли. Перед самой землей, как мы видели, он все-таки успел выбросить запаску, но раскрыться ей уже не хватило времени. Сергей погиб сразу же, а лейтенант, когда к нему подбежал комдив, был еще жив. Наверное, не было ни одной целой кости — удар был страшный, но он был в сознании. Тут же подлетел вертолет. Когда лейтенанта поднимали, он кричал, потому что любое движение приносило невыносимую боль.

Комдив сел в вертолет вместе с лейтенантом, и они полетели в Тбилиси — ближайшее место, где был мощный военный госпиталь. В вертолете лейтенант потерял сознание, потом, видимо, от тряски вертолета пришел в себя, открыл глаза (а за руку его держал комдив), увидел комдива, узнал его и сказал всего лишь два слова: «Не жалею!»

Когда мы услышали это от комдива, у нас у самих комок в горле стоял, да собственно, многие заплакали. Ужасно было жалко Сергея, жалко было лейтенанта, но что-то иное заставляло глаза наполняться слезами,

и челюсти наши сжимались так, что ходили желваки, потому что мы поняли, о чем не жалел лейтенант.

А не жалел он о том, что выбрал профессию — Родину защищать — и выбрал Воздушно-десантные войска. Ведь по-человечески в такой ситуации можно было сказать: «Да будь проклят тот день и час, когда я поступил в Рязанское десантное училище! Зачем я выбрал себе такую судьбу!»

Но лейтенант сказал так, как сказал: «Не жалею!»

БИЧИ

Когда мы работали от Горного института в Карелии, жили в Лехтинской школе. В один сезон с нами вместе в этой же школе жили бичи. Они приезжали пару раз из тайги на побывку-помывку «гудели» обычно дня три, потом уезжали снова.

Бичи — это слово в советское время расшифровывалось как «бывший интеллигентный человек». Как правило, это в основном бывшие зэки, очень часто без документов, которых с удовольствием набирали в геологические партии, потому что «пахать» они умели, но время от времени их нужно было вывозить в цивилизацию, давать возможность попить вволю и заодно в бане помыться. Вот о них я немножко расскажу.

Боря-«футболист»

Боря был крепкий молодой парень. Как выяснилось, он из-за ревности топором зарубил свою жену. За это отсидел 10 лет. Выйдя из заключения, подался горным рабочим в геологическую партию. Трезвый он был тихий, добрый, спокойный, с добродушной улыбкой на губах.

Кличку «Футболист» получил, потому что до тюрьмы был довольно известным футболистом, по-моему, играл, если не за «Зенит», то за ленинградскую «Смену».

Однажды в дни его отгула в Лехте я наблюдал такую картину. Боря-«футболист» шел из магазина, в обеих руках держал сетки-авоськи, а в каждой сетке не менее восьми бутылок шампанского. Сетки едва не доставали до земли, но Боря медленно, но уверенно (правда, было видно, что пара бутылок шампанского уже в нем) шел к школе.

Рядом с дорогой было деревенское футбольное поле, и мальчишки гоняли мяч. Вдруг мяч выкатился прямо под ноги Бори. Он ногой подкинул мяч и потом до самой школы, держа сетки с шампанским в руках, шел, жонглируя мячом — то ногами, то ступнями, то коленями, то плечами, то головой, и мяч ни разу не упал.

Я все это наблюдал с крыльца школы и видел, как мальчишки, раскрыв рот, восхищенно шли за ним. Да уж, что называется — талант не пропьешь!

Как уже говорил, трезвым Боря был душевным, тихим человеком. Кстати, охотно помогал нам просеивать пробы, выгружать-загружать наши машины. Но когда он выпивал, происходило одно и то же. Кухня была общая. Боря садился там и начинал повторять один и тот же монолог.

Из этого монолога было понятно, как не повезло ему с женой и что довело его до преступления. Если кто-то на кухне был, Боря обращался к нему, причем не важно, кто это был: студентки-практикантки или мы,

парни. А если никого не было, он, глядя в стену, обращался к своей, убитой им, жене. Звучало это примерно так:

«Лара, Ларисочка, любимая моя, ну, пойдем отсюда! Зачем ты с ними сидишь, зачем с ними пьешь? Ты же видишь, они просто лапают тебя, издеваются над тобой. Они тебя попользуют и все. Пойдем домой, пожалуйста, я тебя очень прошу! Лара, Ларочка, ну, доченька же ждет, она так скучает по тебе! Я тебя прошу, пойдем домой!..»

И вот с различными вариациями одно и то же, одно и то же. Становилось понятно, что из себя представляла эта Лара, и было жалко загубленные молодые жизни: и ее, и его.

Дед Силкин

Вторым колоритным бичом был Дед Силкин.

Это был уже очень пожилой человек. Причем из немногочисленных его рассказов выяснилось, что он бывший фронтовик, воевал, был разведчиком. Судя по его речи, скорее всего, он был офицером, потому что чувствовалось, что это образованный человек, может быть, даже был политработником.

Когда Дед Силкин был трезвый, и в те дни, когда они были в Лехте, он брал лодку, заплывал на озеро, которое так и называлось Лехтинское, ставил сетки, ловил ряпушку. Потом приносил эту рыбу в дом, садился. А ряпушку можно было от чешуи не чистить, главное — выпотрошить ее. Делал это Дед Силкин гениально.

Левой рукой брал рыбину, переворачивал брюхом кверху, большой палец правой руки подставлял прямо в начало брюха под жабрами и потом, как горох из стручка, распарывал брюхо и выкидывал пальцем внутренности рыбы в помойное ведро, а саму рыбу бросал в таз. Я потом посмотрел на его ноготь на пальце — это все равно, что зубило. На всю эту процедуру уходило максимум секунд пять. Рыбины, правда, были небольшие, грамм по 100–150, но делал это Дед Силкин так красиво и так здорово! Сам жарил, а потом угощал всех: и бичей, и нас. Вкуснятина необыкновенная.

Иногда можно было его разговорить. Все разговоры были политическими.

Он и не скрывал, что в лагере сидел по политической статье. Но все-таки трезвый он был немногословен. Говорил, когда он выпивал «шампуня», так он называл шампанское (а Дед Силкин не признавал ни водку, ни вино, а только один напиток — «шампунь»), выпивал он минимум бутылки три «шампуня», обязательно — из горла. Причем первую залпом. Я всегда поражался, куда он девает все эти пузырьки газа? Но у него даже отрыжки не было. Вторую-третью уже смаковал — это значит, пил сразу по половине.

Выпив и обязательно поев, Дед Силкин, как правило, выходил на крыльцо. Ему для его речей нужен был простор.

Мне всегда казалось: когда он говорит свои пьяные речи, то чувствует себя на каком-то митинге. У нас школа стояла на холме, крыльцо высокое, а перед крыльцом большое картофельное поле. Когда я увидел эту картину в первый раз, я так и подумал, что Дед Силкин выступает перед кем-то. Шел я изнутри школы и вдруг в проеме входной двери увидел Деда Силкина, который громко говорил, жестикулируя, обращаясь к кому-то перед ним.

Когда я выглянул, кроме картофельной ботвы, ничего не увидел.

А речь была примерно такая:

«Ну и что, хорошо получилось из того, что вы послушались Маркса? Маркс говорил, что мы будем жить при коммунизме и все спать под одним одеялом — вот и спим, но каждый же норовит потянуть на себя! Да еще под одним одеялом разберись, где чья жена? Ладно, жена, а тут еще разберись, где чьи вещи, да кто чего нажил. Нет, так у нас не пойдет. У каждого должен быть свой сундучок! Что наработал, то в сундучок положил. А ежели ты украл мой сундучок — ответь по закону.»

И я вам так скажу: Марксова наука — это лженаука. Главная наука — это понять человека. Если человека поймешь, то тогда и жить будешь нормально, хоть с ним, хоть без него!»

Иногда его мысли, по-моему, путались, а может, наоборот, я многого не понимал. Привел фрагмент по памяти, но нужно сказать, что Дед Силкин никогда не повторялся, но очень любил поминать классиков марксизма-ленинизма. И из его речей было понятно, что очень он их не любит. Похоже, в том числе за их критику, вероятно, публичную, он и отсидел. Как потом выяснил, отсидел ни много ни мало, а 25 лет.

Вот такие были Дед Силкин и Боря-«Футболист» — настоящие бичи.

КАК Я РАБОТАЛ В МУЗЕЕ

Когда я учился на первом курсе Горного, несмотря на то, что у нас была повышенная стипендия (аж целых 45 рублей!), денег, конечно же, не хватало. Я был уже после армии, хотелось и одеваться нормально, да и девочку куда-нибудь сводить, одним словом, проблема приработка «стояла ребром».

И вот кто-то из родственников мне подсказал, что освобождается вакансия в Екатерининском дворце (а жил я в Пушкине) ночного вытряхальщика войлочных тапочек. Разузнав, в чем состоит работа, какой график и сколько за это платят, я пришел в восторг.

Платили за эту в прямом смысле пыльную работу аж целых 70 рублей. Нужно было три раза в неделю в любое время, начиная с 8 вечера до 7 утра, приезжать во дворец. Там надо было позвонить в дверь — тебе открывал дежурный милиционер. Во дворце в специальном помещении в огромных ящиках лежали использованные большие войлочные тапки-лапти на резинках, которые посетители обязательно надевали, чтобы во дворце не испортить паркет каблуками.

Естественно, тапки пылились, и по ночам нужно было их вытряхивать.

Процедура была следующая.

Нужно было накладывать в тележку тапки и вывозить тележку на задний двор, вываливать содержимое на крыльцо, потом брать по паре тапок в руки, колотить друг о друга и складывать выбитые тапки обратно в тележку. Потом тележка перевозилась в комнату, где тапки перекладывались уже в другой ящик — пустой.

Наступила первая ночь моего дежурства.

Я где-то в час ночи приехал на последней электричке из Ленинграда, бодро пешком дошагал от вокзала до Екатерининского дворца (автобусы уже не ходили), позвонил милиционеру. Он проверил, что я есть в списке, пустил меня.

И вот я стал брать эти тапки и вывозить — всю эту процедуру мне

показали накануне. Оказалось, что трудился я 4,5 часа (пришел в полвторого, а ушел в шесть утра), а в семь мне нужно было ехать в Ленинград. «Эге, — подумал я, — в следующий раз нужно провести рационализацию».

В следующий раз (а он наступил через день) я делал то же самое, только когда вывозил тележку на задний двор, брал не по два тапка в руки, а прямо целую охапку и тряс их. Оказалось, что на это уходит все равно где-то часа 2,5–3. Тогда я решил продолжить рационализацию.

Но какие бы ухищрения я ни предпринимал, получалось, что минимум 2,5 часа тратить все равно нужно.

И вот буквально на четвертый или пятый раз после, кстати, студенческой веселой вечеринки, когда особенно захотелось спать, я приехал на работу. Увидев этот огромный ящик с тапками и представив, как буду сейчас туда-сюда мотаться с тележкой, решил сачкануть. Силенок после ВДВ хватало, и я с помощью нехитрого приспособления подтащил один ящик к другому и просто перевалил тапки из грязного ящика в чистый.

Ну, тут поднялась такая пыль, что в комнате видимость упала практически до нуля. «Нет проблем», — подумал я, залез на батарею, открыл форточку и сел на кушеточку, которая стояла перед запыленной комнатой, ждать, пока пыль осядет, чтобы потом закрыть форточку.

Сижу, все тихо. Вдруг слышу: крики, топот, какие-то слова с ненормативной лексикой — и это все приближается ко мне. Я на всякий случай встал. И вот вижу: бежит группа милиционеров с пистолетами наперевес. Я не на шутку перепугался.

Как оказалось (а ведь я должен был сообразить!), и окна, и форточки находились на сигнализации, и когда я открыл форточку, сигнализация на пульте дежурного милиционера во дворце сработала. Но милиционер благополучно спал и не услышал этого. А параллельно сигнализация сработала на пульте в отделении милиции.

Из отделения приехал наряд, стучится в музей, а дежурный милиционер спит. Они его добудились, дали ему по башке, сказали все, что о нем думают, и ринулись искать нарушителя. А нарушитель никуда не убежал, а спокойненько сидел на кушетке. Нужно ли говорить, что это была моя последняя рабочая ночь в этом замечательном музее.

Но коль скоро я вспомнил эту историю, тут же расскажу еще про одно интересное обстоятельство.

По-моему, на второй или третий раз работы во дворце, когда я уже закончил работу, было где-то три часа ночи. Прежде чем идти домой, я подумал: «А почему бы мне не прогуляться по анфиладам дворца в темноте?» Сказано — сделано.

Прямо рядом с той комнатой, где посетители переобувались в тапочки, была лесенка, которая вела на второй этаж дворца.

Перед лесенкой был натянута бархатный шнурок. Я, естественно, через него перешагнул, поднялся по лестнице, прошел один зал, второй. И вот я оказался в каком-то огромном зале, только не в Зеркальном, за окном был рассеянный свет, качались деревья, тени от которых играли на стенах. Было темно, но, в принципе, что-то было видно.

Вдруг я почувствовал, что меня охватил какой-то дикий страх.

Причем я никогда не боялся темноты, еще в детстве на спор мы лазили поодиночке в подвал разрушенной церкви, стоящей посередине кладбища. А тут взрослый мужик после армии — и ну просто абсолютно ди-

кий страх и ожидание из-за каждого поворота появления каких-то то ли привидений, то ли не знаю кого или чего.

Вокруг меня что-то постоянно поскрипывало, даже как будто постукивало, и все время казалось, когда идешь, что параллельно тебе слышны еще шаги, когда останавливаешься, шаги замирают. Вероятно, это было такое странное эхо.

Несмотря на то, что я десантник и вроде не должен чего-то бояться, все-таки дальше трех залов я никуда не пошел и быстренько ретировался обратно.

Так что, когда сейчас объявляют «Ночь музеев», я всегда вспоминаю этот случай.

Ночью в музее, когда там горит свет и можно быть просто посетителем, — хорошо, а вот так, да еще не просто в музее, а в настоящем царском дворце со своей историей, все-таки, как оказалось, гулять неприятно.

ДЕРЕВО СЧАСТЬЯ

Первая моя производственная практика после первого курса Ленинградского горного института проходила в Якутии. Компания подобралась веселая. Были с нами двое студентов с третьего курса — Сережка и Наташка. Они дружили, даже, можно сказать, была у них любовь, и даже, спустя какое-то время, они стали спать в одной палатке.

Несмотря на очень тяжелые маршруты, а приходилось по сопкам-горам ходить километров по 25–30 в день, вечером у костра все время раздавался смех. Хоть убей, не помню, была ли с нами гитара. Наверное, была, потому что Сережка здорово играет на гитаре.

И вот 27 августа у Сережки должен был быть день рождения.

Наташка накануне специально съездила в дальний поселок и купила ему в подарок какие-то шикарные ботинки. У нас тоже были приготовлены подарки, но просто так, банально — утром — вручать подарки было неинтересно. И тогда кто-то предложил: «А давайте-ка мы подарим Сережке „Дерево счастья“!»

Склоны сопки местами уже были желтые-желтые от маленьких осинки с абсолютно золотыми листьями, это обстоятельство и определило наш выбор этого самого «Дерева счастья».

Мы с мальчишками, договорившись, встали рано-рано утром, отошли подальше от лагеря, чтобы не было слышно стука топора, и срубили осинку метра два высотой. Мы старались, чтобы листья у нее не опали, и они держались крепко, только нежно трепетали даже не от ветра, а когда мы ее несли.

Палатки наши стояли на деревянных настилах, бревна положены четырехугольным срубом, к ним приколочены доски. А уже на эти доски на каркасе ставилась палатка.

Заострив ствол осинки, мы ее воткнули в щель между досками, прямо у входа в Сережкину палатку, а на это дерево повесили коробку с ботинками, купленными Наташей, а также все свои разнообразные, а на самом деле очень простые подарки: кто-то подарил свой фонарик, кто-то — хорошую ручку, чтобы писать в пикетажке, — кто что мог. Уселись у костра и стали ждать, когда проснется Сережка.

А кстати, только сейчас вспомнил, Наташе мы не сказали про «Дерево счастья», мы сказали ей просто: «Давай сюда подарок, мы как-нибудь придумаем, как его вручить».

Когда ребята вылезли из палатки, на всю жизнь запомнил я этот радостный шок в глазах у Сереги. Солнце взошло, было тихо, листья осинки солнечно трепетали, и на этом праздничном «Дереве счастья» висели Сережкины подарки.

Не знаю, может быть, Серега и до этого, и после получал более дорогие подарки, но уверен — это «Дерево счастья» он запомнил на всю жизнь.

КОЛЛЕГИ. ЕЛЕНА БОРИСОВНА ВЫСОКООСТРОВСКАЯ

Я уже не раз говорил, что геологи — люди особенного склада характера, закаленные, мужественные и искренние. Поэтому я решил рассказать об одном таком человеке — геологе от Бога. Речь пойдет о моей научной руководительнице — Елене Борисовне Высокоостровской.

Это удивительная женщина. Во-первых, настоящий полевик. Многому, в том числе, как это ни странно прозвучит, умению мужественно терпеть и преодолевать любые трудности, я научился именно у нее. Когда я пришел работать в ВИРГ (Всесоюзный институт разведочной геофизики), мне было 25 лет. Она была раза в два меня старше. Помню ее потрясающе красивые волосы, ярко-синие глаза. Мы все немножко побаивались ее, но, безусловно, уважали. Она была строгим, требовательным, серьезным руководителем. Любопытная деталь: как только мы выезжали в поле, Елена Борисовна начинала есть чеснок. Это было ужасно. Каждые 10 минут она доставала очередной зубчик из кармана штормовки. Делала она это всегда — в маршруте, когда камералили, ну а когда обедали — это вообще отдельная песня: тут чеснока уходило просто немеренно.

Елена Борисовна была спортивной — каждое утро делала зарядку. Если мы находились в стационарной базе, где у нас был душ, обязательно его принимала. Мы любили пересказывать друг другу историю, которая произошла в конце октября на нашей базе в Сайншанде. По ночам уже ударяли заморозки, а у нас от скважины прямо по земле был разведен по вагончикам водопровод, в том числе в душевую. И в одно прекрасное утро трубы замерзли. Встав рано утром покурить, народ увидел растерянную Елену Борисовну, которая, выйдя из душа, удивленно сказала: «Мальчишки, что-то воды нет». Причем была она в одном купальнике (так она делала всегда). Народ, стоя на крыльце в ватниках и вязаных шапках, курил и втолковывал Елене Борисовне, что вода не кончилась, а замерзла, потому что на дворе минус пятнадцать.

Как-то в той же Сайншанде Елена Борисовна ехала на УАЗике. За рулем был бывший начальник партии, и ехать нужно было около тысячи километров. И вот где-то на полпути в абсолютно безлюдном гобийском месте машина перевернулась пару раз и, к счастью, встала на колеса. Пробило колесо. Елена Борисовна была вся в синяках, в царапинах. Досталось и начальнику партии, который был, может быть, даже моложе ее, но повел себя в этой ситуации, мягко говоря, не по-мужски: начал причитать и канючить. Во-первых, он понимал, что ему придется отвечать за эту аварию, а во-вторых, он абсолютно не знал, что делать — связи с ними не было никакой, искать их должны были бы начать только на вторые сутки. Раны они кое-как, взяв йод и бинты из аптечки, замазали и забинтовали. Этот «лелик» собирался сидеть и ждать двое суток у машины, но не такой была Елена Борисовна. Она заставила его помочь ей поставить запаску, потом сама села за руль (машина оказа-

лась на ходу) и гнала ее 500 километров под причитания начальника партии. Когда они въехали на территорию базы, мы все бросились к разбитому УАЗику. Елена Борисовна, как ни в чем не бывало, сказала: «Выгружайте товарища!», а сама пошла в первый отдел сдавать карты. Мужественная женщина!

Ее энтузиазм в познании геологических тайн был бескрайним. Я обычно работал с ней в паре. Доставалось мне круто, потому что то и дело она говорила: «Сережка, сбегай на ту горوشку, померяй там». Потом показывала в противоположную сторону на горوشку километрах в трех: «Сережка, а теперь сбегай и померяй там». Ну, Сережка ноги в руки и бегом. Кстати, очень часто бесполезно — чутье у нее было великолепное, иногда она аномалии, что называется, визуально определяла — может, действительно, по какому-то цвету пород или по изменению пород. С ней было очень интересно работать.

Уйдя на пенсию, она в Питере устроилась работать оператором газовой котельни, потому что сидеть без дела не может. Ей далеко за 80, но она по-прежнему бодрa и энергична. Я надеюсь, она на меня не обидится, если выдам ее небольшую семейную тайну — несколько лет назад она вышла замуж. Счастья, здоровья и любви Вам, дорогая Елена Борисовна!

МОНГОЛИЯ. КАК Я ПОДДЕРЖАЛ САХАРОВА

Перестройка застала меня в Монголии. Я уже говорил, что выписывал все газеты и журналы. Разница с Москвой была четыре часа, и до поздней ночи мы смотрели советское телевидение. Уже появились передачи, шедшие в прямом эфире. Очень мы любили программу «Взгляд», снова возродился и набирал силу «КВН». Шутки были уже очень острые. Мы чувствовали, что что-то в воздухе витает: свобода, перестройка, гласность — похоже, это не просто слова. Я уже писал про первый Съезд народных депутатов СССР, который открылся 25 мая 1989 года.

И вот, по-моему, в начале лета 1989 года, Андрей Дмитриевич Сахаров на очередном пленарном заседании съезда выступил с инициативой о новой Конституции. Он обратился ко всем (а так как транслировалось заседание в прямом эфире, получается не только к делегатам съезда, но и ко всему населению Советского Союза) с просьбой поддержать эту его инициативу.

Недолго думая, на следующий день, в обеденный перерыв я побежал на Главпочтамт и дал монгольской девушке в окошко телеграмму такого содержания: «Москва. Кремль. Съезд народных депутатов СССР. А.Д. Сахарову. Уважаемый Андрей Дмитриевич, полностью поддерживаю Вашу инициативу о новой Конституции. С уважением, старший геофизик аэропартии Миронов».

Довольный, я вернулся за работу и весь день, да и все последующие дни был преисполнен гордости, что я свое слово в поддержку новой жизни сказал.

А вскоре после этого, незадолго до обеда, меня вызывает начальник аэропартии и говорит:

— Сергей, ты что такое натворил?

— А что такое?

— Не знаю, тебя срочно вызывают в посольство. Я пошутил:

— Так, может, награду какую дадут?

— Да нет. Судя по тону, вместо награды тебя ждет что-то совсем другое. Давай, потом приедешь — расскажешь!

Мне даже дали машину, чтобы я быстрее доехал до посольства.

Вот я захожу в посольство, называю фамилию. Мне сказали, что нужно идти в такой-то кабинет. Я подошел к указанному кабинету, постучался. Услышал: «Входите!» Захожу. Стоит стол, почему-то мне запомнилось, чуть ли не посередине комнаты. По-моему, в комнате больше ничего и не было. Стол прямо напротив двери, за столом трое солидных мужчин, со скорбно-злыми лицами, все в костюмах, при галстуках. Одним словом — вид нехороший. Сердце у меня екнуло.

— Как же так понимать, товарищ Миронов, вашу антисоветскую выходку с поддержкой диссидента Сахарова?

Я очень удивился, но на всякий случай уточнил:

— Это вы по поводу телеграммы?

— Да, да, по поводу вашей идиотской выходки с этой телеграммой.

Тут уже взбеленный я, насмотревшись «Взгляда», начитавшись газет, не без основания вспомнил о нашей советской Конституции, где, как я помню, гарантируется тайна переписки, о чем я с гордостью поведал товарищам из посольства.

Услышав это, один из них побагровел, стал красным как рак, и хриплым голосом сказал: «Партбилет на стол положишь!» На что я невозмутимо сказал:

— Вы знаете, а я не член КПСС.

— Как так не член КПСС?! Как же ты сюда попал работать?!

Я не стал долго объяснять, что я очень ценный специалист и, несмотря на отсутствие партийного билета, меня давным-давно, еще 10 лет назад позвали работать в Монголию, что я с удовольствием и делаю. Поняв, что таким образом меня не ущучишь, другой строго сказал: «Ну, все, в двадцать четыре часа — в Союз!» Тут на меня что-то нашло, и только что, даже не встав в гордую позу и не скрестив руки на груди (ну, это мне сейчас так представляется, на самом деле, наверное, все-таки было страшновато, но то, как я ответил, помню точно), сказал: «А вы меня Родиной не запугаете!» Повисла немая пауза, после которой третий, молчавший до этого (почему-то и тогда, а особенно сейчас, вспоминается, что он, кажется, даже с какой-то долей симпатии смотрел на меня и совсем не с симпатией на все то, что говорили его товарищи), сказал: «Ладно, езжайте на работу, мы здесь разберемся без вас!»

Я уехал. А в это же время проходили известные события в Литве. И вдруг буквально на следующий день прямо у нас в советском геологическом городке всех приглашают на открытое партийное собрание, где должны были рассматриваться два вопроса: первый — недостойное гражданина Советского Союза поведение старшего геофизика Миронова за рубежом, и второй — осуждение литовских событий. Вот тут товарищи коммунисты и организаторы этой затеи, что называется, дали маху, начав с вопроса осуждения старшего геофизика Миронова. Итог был такой (уж не знаю, чем закончилось это открытое собрание для секретаря партийной организации нашей экспедиции) — никакого осуждения старшего геофизика Миронова и полная поддержка событий, которые происходили в Литве. Вот так я чуть не стал диссидентом.

КОЛЬЦА ЛИЗЕГАНГА

...Летом 2009 года по поручению президента нашей страны я был на инаугурации нового монгольского президента. Встречаясь с премьер-министром Монголии господином Баяром, который лет пять до того, как стал премьером, работал послом Монголии в России и которого я очень много лет хорошо знал, рассказал ему о том, что на территории Монголии встречается интересное минералогическое, а скорее петрографическое образование — «Кольца Лизеганга».

Что это такое?

Имя этому уникальному явлению дал немецкий химик конца девятнадцатого века Лизеганг. Кстати, удивительный был человек. Наверное, мало есть отраслей знания и сфер человеческой деятельности, в которых бы он не сделал уникальнейших открытий.

Однажды, проводя химические опыты, он обнаружил интересное явление: смешиваясь, два вещества не меняют окраску или не превращаются из мутных в прозрачные или, наоборот, из прозрачных в мутные, что, в общем-то, для химических опытов обычно. Итогом реакции являются концентрические, гармонично чередующиеся кольца разной окраски.

Кольца идеально правильной формы. Толщина каждого кольца абсолютно одинакова. Сами кольца увеличиваются в диаметре, расходясь от некой центральной точки на периферию.

Этот уникальный феномен в последующем и был назван «Кольцами Лизеганга».

Так вот, в геологии, как правило, в осадочных либо — реже — в вулканогенных породах тоже находят такие кольца. Я много читал на эту тему и видел фотографии различных колец, но, судя по всему, нам удалось в 1982 году в пустыне Гоби найти самые контрастные, самые уникальные и самые красивые «Кольца Лизеганга».

С того времени у меня в коллекции осталось три образца — два бежевых и один красный — ожелезненный. Мне запомнилось, что эти образцы были найдены не в горах, а где-то на «плоскотине» — невдалеке от дороги были видны выходы породы в виде кусков плитняка.

На многих кусках этого плитняка (а по составу, похоже, это мелкозернистый уплотненный песчаник — аргелит) был виден уникальный рисунок — те самые «Кольца Лизеганга».

Теорией возникновения таких колец в свое время занимался Павел Александрович Флоренский (1882–1937), который был арестован в 1933 году и, выйдя из одного лагеря, не зная, что попадет в другой и через короткое время там погибнет, написал, что в заточении, похоже, открыл тайну «Кольца Лизеганга». Павел Флоренский предполагал изложить свою теорию на бумаге, но не успел.

С юных лет проблемой «Кольца Лизеганга» увлекался Андрей Дмитриевич Сахаров, кстати, увлекался всю жизнь. Похоже, он так и не нашел разгадку этого явления.

Дело в том, что есть интересная гипотеза, что на нашей планете, прежде чем природа или Творец, как вам будет угодно, создали живую клетку, они (или Он, или она) сначала «потренировались» на неживой природе, и своеобразными следами этих «тренировок», то есть первыми попытками из хаоса создать гармонию, и являются «Кольца Лизеганга».

ВЫБОРЫ ОДНОФАМИЛЬЦА

Когда я был депутатом Петербургского Законодательного собрания (а в первом созыве я даже был первым заместителем председателя Заксобрания), то находился в оппозиции к тогдашнему губернатору Яковлеву.

И вот осенью 1998 года должны были состояться новые выборы.

Четыре года я честно работал в своем округе, принимал граждан, очень многое удалось сделать: где-то дороги помог заасфальтировать, где-то светофор установить, где-то школы, детские садики отремонтировать, скамейки установить, да много чего.

Работал, без лишней скромности скажу, честно, много, работал для избирателей, поэтому не сомневался, что мои избиратели меня хорошо знают и, конечно же, переизберут на следующий срок. Но в Смольном были другие планы. Там решили, что Миронова во что бы то ни стало не должно быть в следующем созыве Заксобрания, потому что я на тот момент в городе, как уже написал, действительно возглавлял оппозицию Смольному, чтобы быть более точным — губернатору Яковлеву.

Началась избирательная кампания. Против меня выставили очень популярного тогда в городе телевизионного журналиста Запольского, который каждый вечер на одном из питерских каналов выходил в эфир. Это было что-то, отдаленно похожее на «600 секунд» Невзорова. В течение десяти минут Запольский говорил какую-то лабуду, но в конце (это была его коронная фишка, за что все бабушки-петербуженки его страшно обожали) он улыбался, его огромные рыжие усы топорщились, и он во весь экран с придыханием говорил: «Я вас люблю!» Бабушки млели.

Вот такого любвеобильного журналиста поставили против меня. Я этого не боялся, знал, что избиратели все равно проголосуют за меня.

Когда уже пошло выдвижение кандидатов, я с удивлением обнаружил, что со мной в моем округе будут баллотироваться два моих однофамильца, более того, оба они в бюллетене будут стоять выше меня, потому что один из них был Миронов Алексей Юрьевич — у него имя на «А», поэтому он будет впереди, а второй — Миронов Сергей, но — Александрович, и по отчеству, опять же на букву «А», он будет впереди меня.

К тому же тот, который Миронов Сергей Александрович, оказался первым заместителем председателя какой-то общественной организации, а моя должность, напомним, звучала — первый заместитель председателя Законодательного собрания. То есть хотели совсем задурить голову избирателям. Сначала я не придал этому значения.

Оба моих однофамильца даже не появлялись ни на дебатах, ни на встречах с избирателями. Меня это удивляло, но потом я понял, что задумка в другом. Люди, искренне желающие проголосовать за меня, придут, увидят первого Миронова в бюллетене и проголосуют за него. Ну, хорошо, первого пропустят, так за второго проголосуют, а я только третий. И я понял, что нужно что-то делать.

Был еще любопытный момент.

Дело в том, что Миронов Алексей Юрьевич был негром. Да, да, ну, может, если быть более точным, мулатом, по крайней мере, на фотографиях, которые должны были висеть на избирательных участках, он резко отличался от всех других кандидатов. Но это так — маленькая пикантная подробность.

И тут во весь рост возникла проблема: как же подсказать моим избирателям, за какого из трех Мироновых нужно голосовать? Однажды ут-

ром меня осенило. Я отличался от своих однофамильцев только отчеством. Царство Небесное моему бате — Михаилу. И тогда само собой сложилось очень простое двустишие. Я его напечатал, на ксероксе размножил, и мои помощники-агитаторы разносили этот маленький листочек по всем почтовым ящикам и раздавали людям на улице.

Студенты из Горного, которые помогали мне во время избирательной кампании, даже положили эти строки на какую-то мелодию и на перекур-стках под гитару пели в виде частушек.

А стихи такие:

Запомнить может любой гражданин:
Мироновых много, Михалыч — один.

Когда наступил день голосования, наблюдатели стали звонить с избирательных участков и говорить: «Народ идет валом, приходят бабушки и спрашивают, беря бюллетень: «Где тут наш Михалыч?»

Результаты говорили сами за себя. Гражданин Запольский набрал 17 процентов, оба моих однофамильца в сумме — полтора процента, ваш покорный слуга набрал 69,8 процента. В те выборы в 98-м это был лучший результат в городе.

Спасибо моим избирателям. Спасибо моему бате и Царство ему Небесное.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В КНДР

В сентябре 2004 года у меня состоялся официальный визит в качестве Председателя Совета Федерации в КНДР. Северную Корею я посещал впервые. Как всегда, очень тщательно готовился к поездке, изучил много документов, познакомился с историей, прочитал кучу справок.

Когда наш самолет заходил на посадку (а уже совсем стемнело), я выглянул в иллюминатор и увидел редкие-редкие уличные фонари, тускло горевшие. Обычно, когда подлетаешь к любому городу, то видишь море огней, а здесь все погружено во тьму. Самолет остановился у здания аэропорта, я увидел только одно большое светящееся пятно и сразу понял, что это освещенные портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Больше в аэропорту не светилось ни одно окошко и ни одна лампочка.

Нас встречал почетный караул. По ковровой дорожке мы прошли в здание аэропорта, там меня встречали коллеги из Народного Собрания. Мы сели в большой лимузин и поехали по ночному Пхеньяну. В редком доме еле-еле (почему-то мне показалось, что это кухня) горела единственная лампочка. При подъезде к резиденции, в которой мы жили (резиденция находилась недалеко от мемориального комплекса с мавзолеем Ким Ир Сена), стало немного рассветать, появились первые люди на велосипедах, одетые, такое создалось впечатление, в одинаковую одежду. Хотя это было и раннее утро, но город выглядел почти пустым — машин, кроме нашего кортежа, я не увидел.

Дальше я сделал много интересных наблюдений и по поводу людей, и по поводу уникальной, так и хочется сказать, сталинской архитектуры Пхеньяна. Встреча с Ким Чен Иром проходила в той же резиденции, в которой мы и жили. К назначенному времени мы пешком пошли от своего здания к тому зданию, где была назначена встреча, а затем — по длинному коридору, в который выходило множество дверей, ведущих в оранжерею, где было много цветов и каких-то растений, я даже почувствовал их аромат.

Переговоры прошли нормально. Все было довольно сухо, подчеркнуто вежливо. Мы с Ким Чен Иром сидели в креслах под огромным панно, изображавшим что-то такое революционное. Нас предупреждали, что переговоры будут намного короче, но они затянулись. Ким Чен Ира интересовала ситуация в России, я подробно рассказывал. В конце беседы мне показалось, как потом выяснилось, не без оснований, что Ким Чен Ир ко мне «проникся». Когда мы стали прощаться в этом зале для переговоров, он дал понять, что хочет проводить меня до выхода.

А здесь нужно сказать об особом, я бы сказал, трепетно-услужливо-испуганном почитании и соответствующем поведении всех окружающих Ким Чен Ира. Я видел, что они не поднимают глаз на него, склоняются в глубоком поклоне, когда он просто в их сторону посмотрит. Кто-то торопливо пятился назад, когда Ким Чен Ир шел или что-то делал. Одним словом, мизансцены «Великий Кормчий», «Живой Бог на Земле» и все остальное — все это считывалось по полной программе.

Когда мы с Ким Чен Иром шли по коридору, впереди нас бежала большая группа различных помощников и работников Ким Чен Ира, а в конце холла ждали еще люди. Проходя мимо оранжереи, я полюбопытствовал через переводчика: «Что это такое?» Ким Чен Ир очень оживился и рассказал, что эти растения выращивает он сам. Я признался, что очень красиво.

Тут Ким Чен Ир взял меня за плечи, развернул и повел в свою оранжерею, с большой любовью он стал рассказывать о растениях. Было видно, что ему это действительно нравится. Ким Чен Ир рассказывал, где какой сорт, в том числе особо показывал сорта, названные в его честь, потому что сам их вывел. Минут двадцать минимум мы провели в оранжерее.

А потом мы продолжили свой путь по коридору вместе, и тут я увидел большую произошедшую метаморфозу со всеми, кто сопровождал меня на эту встречу с Ким Чен Иром с корейской стороны. Какая-то часть того подбострастия, которое я увидел по отношению к Ким Чен Иру, вдруг, к моему ужасу, стала распространяться на меня.

Я сначала не мог понять, в чем дело, но потом понял: великий Ким Чен Ир обнял меня в нарушение этикета и протокола, повел в свою оранжерею и там гостю из Москвы что-то рассказывал о своем увлечении, а значит, если Великий Полководец и Вождь обратил внимание и так приветил гостя из России, то и подчиненным товарища Ким Чен Ира не грех особенно высказывать знаки расположения этому гостю, то бишь мне.

Проявлялось это по-разному. Так как к товарищу Ким Чен Иру нельзя было просто так подойти и пожать ему руку, то когда мы распрощались с Ким Чен Иром и я вышел на улицу, все корейские товарищи по очереди стали подходить и трясти мою руку, заглядывая мне в глаза. Как я понял, они ожидали, что частица тепла руки Ким Чен Ира через мою руку передастся и им.

Я, конечно, утрирую, но то, что я увидел, и то, чему стал свидетелем, другим словом, кроме как ужасно, я назвать не могу.

Это впечатление осталось со мной на всю мою жизнь. Не дай нам Бог увидеть в России когда-нибудь подобное обожествление власти и подобное самоуничтожение, которое демонстрировали верные солдаты «Великого Корейского Полководца»! Эту заметку я написал еще тогда, когда Ким Чен Ир был жив.

ПОДАРОК ГОСУДАРСТВУ

25 октября 2011 года. Для меня это необычный день. В Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского открылась постоянная выставка «Коллекция минералов Сергея Миронова».

До сегодняшнего дня ее могли видеть только те, кто бывал в моем кабинете в Совете Федерации. Теперь она стала доступной для всех. В коллекции — около полутора тысяч экспонатов.

Среди них много самоцветов — лазурит, малахит, радонит, яшма, аметист, хризолит, хризопраз, гранат, агат, чароит, а также образцов самородных металлов — платины, золота, серебра, меди. Эта коллекция — не только красота, это история нашей планеты. Я собирал ее 40 лет.

Часть образцов нашел сам, когда учился, работал геофизиком, часть — подарки коллег и друзей. В июне 2011 года я передал коллекцию в дар Геологическому музею им. В.И. Вернадского. Коллекцию оценили в полтора миллиона долларов. Но для меня она не измеряется деньгами. Потому что в ней — вся моя жизнь.

И то, что теперь она будет храниться в таком замечательном музее, для меня как для коллекционера — лучшая награда. Думаю, что я правильно распорядился плодами многолетнего собирательства. Минералы, самородные металлы — все, что хранит Земля, не может принадлежать одному человеку и скрываться от других глаз. Уверен, коллекция послужит людям и принесет радость любителям минералогии и ценителям красоты минералов.

